

Луи Буссенар

Из Парижа в Бразилию

Жозеф Перро

Луи Буссенар

Из Парижа в Бразилию

«Public Domain»

1884

Буссенар Л. А.

Из Парижа в Бразилию / Л. А. Буссенар — «Public Domain»,
1884 — (Жозеф Перро)

«— Стой! — раздался в густом тумане чей-то повелительный голос.— Что такое? Что случилось? — тревожно осведомился другой голос из глубины крытых саней быстро мчавшейся по необозримой снежной равнине тройки. Звон колокольчика пронзительно раздавался в морозном воздухе.— Ничего, пустое, ваше благородие... так что-нибудь, — отвечал ямщик, привставая на облучке и энергично погоняя замедливших было бег лошадей. — Эй вы, соколики!.. — прикрикнул он на них.— Стой! — снова прогремел неизвестный голос...»

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	17
Глава V	22
Глава VI	27
Глава VII	30
Глава VIII	34
Глава IX	40
Глава X	44
Глава XI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Луи Буссенар

Из Парижа в Бразилию

Книга создана по изданию: Луи Буссенар. Полное собрание романов. Спб., 1911., книгоиздательство П. П. Сойкина. Перевод Е. Н. Киселева

* * *

Часть первая Через Сибирь

Глава I

Езда на санях. – Стой! – Капитан Игумнов. – Женщины или мужчины? – Грозный приказ. – Партия арестантов. – Русское добродушие. – На постоялом дворе. – Допрос. – Среди снегов и вдруг речь об экваторе. – Путешественники или червонные валеты? – Русские или французы?

– Стой! – раздался в густом тумане чей-то повелительный голос.

– Что такое? Что случилось? – тревожно осведомился другой голос из глубины крытых саней быстро мчавшейся по необозримой снежной равнине тройки.

Звон колокольчика пронзительно раздавался в морозном воздухе.

– Ничего, пустое, ваше благородие... так что-нибудь, – отвечал ямщик, привставая на облучке и энергично погоняя замедливших было бег лошадей. – Эй вы, соколики!.. – прикрикнул он на них.

– Стой! – снова прогремел неизвестный голос.

В темноте сухо звякнули ружья, и сквозь дымку валившего крупными хлопьями снега блеснуло несколько стальных дул.

Повозка во всю прыть неслась прямо на грозный полукруг сомкнутых штыков.

– Тпрру!.. Тпрру!.. – закричал испуганный ямщик, тщетно стараясь остановить этим чисто русским окриком разогнавшуюся лихую тройку. Но и это не помогло.

К тому же на беду у него оборвалась веревочная вожжа, которую он натянул слишком сильно... Катастрофа казалась неизбежной.

Вдруг прямо перед лошадьми, как из-под земли, выросла высокая фигура в меховой шубе и шапке.

Быстрее молнии незнакомец бросился к кореннику и схватил его сильною рукою под уздцы. Тройка разом остановилась на всем скаку, звонкий колокольчик умолк, а сани от внезапной, слишком крутой остановки в одну минуту перевернулись полозьями вверх.

Ямщика сбросило с облучка, и он, взмахнув руками и ногами, точно мячик, отлетел в сторону, уткнувшись головой прямо в сугроб.

– А ну-ка, мои молодчики, – заговорил прежний повелительный голос, в котором теперь звучали нотки иронии, – дайте на вас посмотреть... Что, знать, не очень-то удалось обмануть капитана Игумнова?.. А?.. Сорвался?.. А?.. Не вывезло?.. У самих молоко на губах не обсохло, а туда же... Уж где вам, молокососам, провести меня, старого сибиряка!.. Вылезайте-ка, вылезайте-ка из-под саней-то. Нечего прятаться. Ну, живо!..

Из-под перевернутой повозки послышался глухой стон. При всем желании путники не могли исполнить приказание капитана Игумнова.

– Эй, вы! – обратился капитан к своим солдатам. – Поднимите повозку и вытащите господ проезжающих.

Солдаты бросились исполнять приказание начальника, и в одну минуту сани приняли надлежащее положение; но только сани, а не то, что в них было. Весь скарб из них вывалился на снег вместе с путешественниками.

Образовалась невообразимая груда подушек, шуб и всякого багажа. Тут были и так называемые дохи, или ергаки¹, и пищевые консервы, и сахарные головы, и валяные сапоги, и чемоданы из желтой кожи, и бутылки с водкой, и веревки, и молотки, и ящики с чаем – поверх всего этого, точно два тюка, неподвижно лежали путешественники.

А может, две путешественницы? Одинаково было возможно и то, и другое, потому что обе фигуры были так закутаны во всевозможные тулупы и шубы, что походили на бесполох чучел.

– Да они не шевелятся! – пробормотал с оттенком тревоги капитан. – Идиоты! Неужели их угораздило убится до смерти?

Но опасения офицера не оправдились. Солдаты принялись трясти путешественников, растирать им снегом лица и руки, и через некоторое время обе закутанные фигуры подали признаки жизни.

Они открыли глаза и первым делом громко враз чихнули.

– Где мы? Что случилось? – спросил один из них по-французски.

– Не знаю, – отвечал другой на этом же языке.

Увидав поломанные сани и сбившихся в сторону дрожащих лошадей, обнаружив разгром своего багажа, первый из путников произнес самым плачевным тоном:

– Опять приключение!.. Да когда же этому будет конец?

– Что за несчастье! И куда девался собака-ямщик? Нет, все это просто из рук вон. Я пожалуюсь почтмейстеру. Дайте мне жалобную книгу...

– Молчать! – сердито перебил путешественников капитан Игумнов тоже на французском языке. – Отвести обоих на постоянный двор, – продолжал он по-русски, обращаясь к солдатам. – Вы мне отвечаете за них, слышите? Если они сделают попытку убежать или вздумают заговорить с кем-нибудь из арестантов – стрелять. Поняли? Налево-кругом марш!

Капитан круто повернулся и пошел прочь, гремя саблей.

Снег продолжал валить. Серые сумерки сгущались. Наступал вечер.

Унтер-офицер скомандовал что-то. Солдаты окружили пленников, и те печально последовали под их конвоем, гадая о причинах неожиданного ареста.

– Это какая-нибудь ошибка, – сказал один из путников.

– Очевидно, ошибка, – подтвердил другой, – но все-таки это очень неприятно.

– Подожди, скоро все объяснится, и нас выпустят. Нас приняли за других...

Снег хлестал им прямо в лицо, мешая смотреть; но тем не менее арестованным удалось разглядеть редкие вехи по сторонам заметенной снегом дороги. Путники шли, увязая в снегу и едва-едва волоча ноги с непривычки и от усталости. Но вот впереди на дороге показалось несколько бревенчатых изб, крытых тесом, как все сибирские постройки.

Ближе к поселку на дороге виднелись следы многочисленных ног, как будто здесь недавно прошла толпа.

Солдаты ускорили шаг, повернули влево на боковую дорогу и вскоре все вышли на обширную площадь, на краю которой, напротив церкви, возвышалось каменное здание.

От холода путники еле двигались, но солдаты не имели права снисходить до их слабостей и продолжали путь по направлению к большому дому.

Вдруг поблизости раздался мерный, тяжелый, топот шагающих в ногу солдат. То была этапная команда, сопровождавшая партию арестантов. Арестанты шли медленно, позвякивая тяжелыми кандалами.

– Каторжники! – шепнул на ухо своему товарищу один из путешественников.

¹ Тулупы из короткошерстных шкур шерстью наружу.

Но не все арестанты были в кандалах, а только те, которые были приговорены к каторжным работам. Ссыльнопоселенцы шли без цепей. В хвосте конвоя ехали повозки с больными и с арестантскими женами и детьми, пожелавшими следовать за мужьями и отцами в ссылку.

Некоторые из каторжников напевали унылую острожную песню, которая всегда производит сильное впечатление на сибиряка. Все русские, а сибиряки особенно, относятся к каторжникам с замечательным добросердечием. Они видят в них только «несчастных» и никогда не спрашивают о том, насколько эти «несчастные» заслужили свою участь. Услыхав унылые звуки песни, каждый сибиряк торопится подать милостыню «несчастьемому», – каждый, до последнего убогого бедняка.

Тяжелые ворота мрачного здания – оно оказалось этапным острогом – отворились и пропустили партию и конвой. Но солдаты с арестованными путешественниками прошли мимо куда-то дальше.

Они шли к дому, в котором остановился капитан Игумнов.

Окончательно наступила ночь. Капитан дожидался арестованных в первой комнате своего невзрачного жилища, которая по такому случаю была ярко освещена. Сам капитан был уже без своей теплой енотовой шинели; он стоял у стола в мундире, при сабле и в высоких походных сапогах.

На столе грубой работы лежала груда бумаг, прикрытых вместо пресс-папье револьвером крупного калибра.

Дверь распахнулась, и арестованные, как были в шубах, вошли в комнату и учтиво раскланялись с капитаном. Солдаты остановились у дверей и взяли ружья к ноге, стукнув об пол прикладами.

Капитан, не отвечая на поклон вошедших, пытливо глянул на них своими ясными светло-серыми глазами.

Это были два молодых человека во цвете лет, оба среднего роста, стройные и с наружностью истинных джентльменов, хотя в выражении их лица сквозило вполне понятное беспокойство.

У обоих были густые, окладистые бороды, у одного черная, у другого белокурая. Обе были тщательно расчесаны, но тем не менее привлекли к себе особое внимание капитана. Шубы на незнакомцах были огромные, очень теплые, но изящного покроя. Вообще видно было, что путешественники принадлежали далеко не к низшему классу общества.

Вдруг капитан как будто сообразил что-то. Он погладил несколько раз левою рукой свои усы с проседью, потом бакенбарды, выпрямился по-военному и резко спросил путешественников по-русски:

– Кто вы такие?

– Милостивый государь, – твердым голосом, но с безукоризненною вежливостью отвечал ему по-французски белокурый, – позвольте вам заметить, что ни я, ни друг мой по-русски не говорим. Поэтому позвольте нам давать вам объяснения на французском языке, который хорошо знаком всем образованным русским, а следовательно, и вам.

– Вот как! – перебил офицер. – Да вы, оказывается, хитрее, чем я предполагал. Хорошо. Будем говорить по-французски, хотя я уверен, что вы такие же русские, как я. Ну-с, посмотрим, что вы намереваетесь мне объяснить?

– То, что мы являемся жертвой весьма печальной ошибки. Вы, очевидно, изволили нас принять за каких-нибудь беглых арестантов. Так, по крайней мере, мне кажется. Иначе я не могу себе объяснить всего происходящего.

– Вы хорошо заучили свою роль, господа, – последовал холодный ответ.

– Уверяю вас, мы говорим правду. Мы можем это вам доказать. У нас есть бумаги, паспорта... они там, в чемодане...

Капитан не ответил ни слова. Он приподнял револьвер, служивший вместо пресс-папье, взял из-под него одну из бумаг и прочитал себе под нос:

– «Среднего роста...» – Совершенно верно. «Большие бороды у обоих». – И это как раз. «Один белокурый, другой брюнет». – Чего же еще яснее? «Люди очень подвижные, нервные». – И это есть. «Говорят на многих языках и держатся совершенно прилично». – Так чего же более? Конечно, они. Остается посмотреть, до чего дойдут они в своем дерзком запирательстве. Это даже забавно.

– Ну-с, господа, – обратился капитан к путешественникам вслух, – так, значит, вы французы? Так-с. Как же вас зовут в таком случае?

– Меня – Жюльен де-Кленэ, а моего товарища – Жак Арно.

– Очень хорошо-с. И вы, разумеется, путешествуете для собственного удовольствия?

– Не совсем. Господин Жак Арно едет по своим делам, а я провожаю его, чтобы доставить удовольствие и себе, и – как я надеюсь – ему.

– Хитрая бестия! – пробормотал сквозь зубы капитан. – А простите за нескромность, – продолжал он вслух, – куда это вы оба изволите ехать?

– Извольте, капитан. Мы едем в Бразилию.

Капитан ожидал всего, но только не этого. Это уж был пассаж совершенно необыкновенный. В Бразилию – через Томск! Через Сибирь! Из Франции!

– В Бра... зи... лию! – насилу выговорил он, не будучи в силах скрыть свое чрезвычайное удивление. – В Бразилию через...

– Сибирь, – досказал за него белокурый француз. – Совершенно верно. Мы хотим проехать туда сухим путем. Конечно, по дороге нам встретится Берингов пролив, отделяющий Америку от Азии. Но ведь это безделица – всего пятьдесят верст каких-нибудь. Да и то мы рассчитываем переехать через него зимой, следовательно, по льду. Мой друг до безумия боится морской болезни. По этой причине мы и в Сибирь попали, в чем нисколько не раскаиваемся, так как имеем теперь случай познакомиться с вами, капитан.

Слова эти были сказаны с развязностью истинного парижанина и сопровождались самым галантным поклоном.

Капитан принял такое обращение за дерзкую насмешку над собой и вспылал не на шутку.

– Довольно, негодяи! – крикнул он. – Полно вам людей-то морочить. Туда же: Жюльен де Кленэ, Жак Арно... Нет-с, я вам лучше скажу: ты, называющий себя Жюльеном де-Кленэ, ты просто лишенный всех прав состояния дворянин Алексей Федоров Богданов, а твой товарищ – тоже лишенный всех прав отставной губернский секретарь Станислав Осипов Бережковский. Вы оба принадлежали к так называемой шайке червонных валетов, которые, как все помнят, не гнушались даже убийствами; вы были сосланы по суду на каторжные работы, с которых и бежали несколько месяцев тому назад. Да-с. Что, голубчики? Что, французы? Удалось вам меня провести?

Путешественники хотели протестовать, но капитан не дал им заговорить и продолжал:

– Теперь вас отведут в острог, а завтра утром отправят с прибывшею сейчас сюда партией арестантов по этапу в Красноярск. Я сейчас напишу об этом отношение.

Глава II

В этапном доме. – Арестантский староста. – Старый знакомый. – Луч надежды. – Как французы попали в Сибирь.

Определим точнее время и место действия нашего рассказа.

Время – несколько лет тому назад²; место – Сибирь и большой тракт между Томском и Якутском.

Капитан Игумнов – старый служака, начальник этапной команды, сопровождавшей арестантов по Сибири к месту ссылки. Путь по Сибири длинен и труден, – обыкновенно партия арестантов совершает его в несколько месяцев. При всей строгости и бдительности охраны в пути часты побеги арестантов. До сих пор у капитана Игумнова они случались реже, чем у кого-либо, и вдруг, вскоре после выхода этапа из Томска, бежали два особо важных арестанта, приговоренных к усиленному режиму еще за первый побег с каторги, который они совершили спустя два года после начала отбывания срока. Тогда они были пойманы, осуждены вновь и сданы капитану Игумнову, причем ему было предписано принять относительно них особенно строгие меры. И вот они вновь бежали.

Но недолго им удалось погулять на воле. Не такой человек капитан Игумнов, чтобы его легко было провести. В конце концов беглецы опять-таки наскочили на него и попались в его руки. Размышляя подобным образом, капитан не понимал, что совершает ужасную ошибку. Да и мыслимо ли запомнить в лицо всех каторжников из такой огромной партии? Арестантский армяк всех уравнивает, все арестанты делаются похожими друг на друга. Но с другой стороны – представительная наружность подозреваемых? Эти длинные бороды, эти шубы... А их безукоризненный французский язык?.. Впрочем, это ничего не значит: ведь отыскиваемые арестанты из интеллигенции, принадлежали когда-то к хорошему обществу.

Правда, паспорта у них в совершенном порядке, даже подорожными они запаслись... И это ничего не доказывает: все можно очень легко подделать.

Одним словом, капитан Игумнов был искренне убежден, что задержанные им личности – именно те беглые, которых он страстно желал поскорее найти.

И вот путешественников отвели в этапный дом. Дорога из Томска в Якутск изобилует подобными острогами, в которых останавливаются в пути арестантские партии. Они называются также этапными домами. Из них один из самых больших и внушительных – Ишимский острог, тот самый, с которым пришлось так неожиданно познакомиться нашим путешественникам.

Тяжелые двери отворились и, жалобно проскрипев на заржавленных петлях, тяжело захлопнулись за арестованными.

Они очутились в просторном, но душном помещении, в котором на жестких нарах, а то и прямо на полу, спали вповалку арестанты.

С непривычки путешественникам сделалось дурно. Они оба пошатнулись на ногах и упали на первую попавшуюся койку.

Очнувшись, они увидели перед собою высокого, худого арестанта с длинною седою бородою и грустным интеллигентным лицом.

Это был староста партии. Так называется выборный из всей партии арестант, который заведует личными деньгами этапников, расходуя их, каждый раз с разрешения начальства, на арестантские нужды, и даже считается до некоторой степени ответственным лицом за поведение партии.

² Напоминаем, что действие романа относится к 1885 году.

– Где мы? – вскричали французы. – Кто вы такой? Куда это нас заперли?.. Помогите! Помогите!

– Успокойтесь, господа, не волнуйтесь: это не поможет, – по-французски заметил им худой арестант.

– Но кто вы? Скажите, ради Бога!

– Я такой же арестант, как и вы.

– Послушайте, мы вовсе не арестанты, – заговорил, на этот раз уже несколько спокойнее, Жак Арно. – Мы даже не русские, мы французы и путешествуем... Нас арестовали по ошибке.

– Как по ошибке? Не может быть!

– Уверю вас. Нас приняли за каких-то двух беглых...

– Конечно, это очень неприятно... но поверьте, если это ошибка, то она скоро разъяснится и вас выпустят с извинениями. Не сердитесь. Бежавшие арестанты были очень важные преступники...

– Но кто же вы сами? Ваше лицо мне как будто знакомо... Свое имя я скажу: я Жак Арно, а это мой товарищ, Жюльен де Кленэ.

– Жюльен де Кленэ! – вскричал староста. – Знаменитый путешественник, с которым я...

Арестант остановился и в смущении покраснел. Жюльен де Кленэ взглянул на него пристальнее и на его лице отразилось крайнее изумление.

– Боже мой! – вскричал он. – Вы не... вы не господин Михайлов, с которым мы несколько лет назад встречались в Париже во многих домах?.. Вы были тогда богатым русским помещиком... были еще так молоды... я и сейчас бы узнал вас, если б не эта седая борода...

– Горе не красит человека и не молодит, – со вздохом заметил арестант.

– Но... простите... скажите... что вас... за что вы...

Густая краска покрыла щеки арестанта. Он опустил глаза и тихо проговорил:

– За дело... Живя слишком широко, не по средствам, я разорился... потом захотел поправить состояние... пустился в аферы... сделал подлог и... о, ради Бога, не мучьте меня, не спрашивайте... пожалейте...

Жак Арно и Жюльен де Кленэ, точно сговорившись, разом протянули ему руки. Арестант молча пожал их и после короткой паузы продолжал:

– Вот видите, бывает положение и хуже вашего. Относительно себя вы можете быть совершенно спокойны: ошибка разъяснится, самое большее – вам придется провести здесь ночь... правда, очень скверную, но что же делать? Считите все это просто за неприятное путевое приключение.

– Но ведь надо удостоверить наши личности. Капитан Игумнов даже паспортам нашим не верит.

– Он снесется по телеграфу с кем следует... наконец, я тоже скажу, что вас знаю... мое свидетельство все же может что-нибудь значить. Будьте уверены, что все устроится как нельзя лучше...

Слова старосты успокоительно действовали на путешественников. Для них мелькнул слабый луч надежды. С душным воздухом тюрьмы они мало-помалу свыклись и вскоре заснули на арестантских нарах крепким сном усталых людей.

Глава III

Встреча двух друзей на бульваре. – Американский дядюшка. – Письмо из Бразилии. – Житейская философия дядюшки. – Волнение «сидня». – Страх морской болезни. – Сухим путем в Бразилию.

Читателю, вероятно, небезынтересно узнать, какой ветер занес в Сибирь злополучных французов.

Вернемся на некоторое время назад и перенесемся в Париж.

В один прекрасный день два друга, Жюльен де Кленэ и Жак Арно столкнулись нос к носу на одном из парижских бульваров.

– Боги бессмертные! – вскричал Жюльен. – Что случилось? Париж горит? Или пруссаки вторглись во Францию? Или монархию восстанавливают?

– А! Жюльен! Здравствуй. Как поживаешь?

– Нет, как ты поживаешь? У тебя лицо до того странное, точно испуганное.

Жак вздохнул, молча пожал руку друга и опять вздохнул.

– Нет, кроме шуток, что с тобой стряслось? Болен? Женишься? Орден получил?

– Ах, поди ты!.. Знаешь, мне хочется сквозь землю провалиться.

– Сквозь землю? Это все же довольно далеко, а ты терпеть не можешь путешествий.

– Вот это-то меня и сводит с ума. Мне положительно нужно ехать.

– Куда?

– В Бразилию.

Тут уж де Кленэ окончательно не выдержал и расхохотался во всю мочь.

– То-то ты так и съежился весь, точно испуганный заяц. Ах, бедненький! Вечно сидел сиднем и вдруг в Бразилию! Конец не малый: двадцать три дня на пароходе. Зато как хорошо там: солнце, голубые небеса, роскошная флора...

– Бог с ней, с флорой... Я пуще всего боюсь... морской болезни.

– Пренеприятная вещь.

– И все это ради миллионов. Знаешь, ведь я теперь архимиллионер.

– Вот как! Наследство, стало быть?

– Да.

– От дядюшки?

– Да.

– Из Америки? Там ведь все солидные дядюшки.

– Да.

– Ну, что же, дай Бог. Только зачем же мы здесь стоим, проходим мешаем? Зайдем лучше куда-нибудь. Кстати, я голоден, как волк. Знаешь что? Пойдем в ресторан. За столом приятнее беседовать.

– Хорошо, пойдем. Я сегодня все равно не в состоянии идти в свою канцелярию.

Через полчаса друзья уже сидели за отдельным столом в ресторане за великолепным завтраком.

Когда подали кофе, Жюльен положил локти на стол, закурил сигару и сказал:

– Ты говоришь, дядюшка тебе...

– Оставил в наследство громадное состояние. Мне сегодня принесли письмо. На, читай.

– Боже! Какое объемистое!

– Да уж ты прочти. Право, очень интересно. Дядя мой не часто писал.

– А главное – с таким солидным «вложением!...» – пошутил Жюльен, разворачивая письмо.

Потянув из рюмки несколько капель шартреза, он принялся читать медленно и внятно:

«Гасиенда Жаккари-Мирим, 49° западной долготы по парижскому меридиану и 21°50' южной широты. Бразильская Империя.

Сего 21 июля, текущего 188... года

Милый мой племянничек!

Некоторые сердитые философы утверждают, что никогда не следует действовать по первому побуждению, ибо первое побуждение всегда бывает доброе. У меня же относительно тебя вышло совершенно наоборот. Первым моим намерением было лишить тебя наследства, но потом я передумал и оставляю тебе по завещанию все, что имею.

Ведь, не правда ли, на этот раз ты одобришь, что я пренебрег советом строгих философов?

Я на тебя долго сердился, с тех самых пор, как ты окончил курс юридических наук и превратился в какого-то чинушу.

Твоя мать, а моя сестра, обратилась тогда ко мне за советом. Я отвечал, что, мол, пусть она присылает тебя ко мне в мою гасиенду Жаккари-Мирим, где для ее сына найдутся родственные объятия, честное, искреннее сердце старика дяди и тяжеленный сундучище с деньгами.

Она не согласилась на это, Бог с ней, я ее за это не виню. На то она и женщина, чтобы быть трусихой. Но ты... Никогда я не мог простить тебе твоего малодушия. Ты самолично ответил на мое предложение как трус.

Какую причину ты привел? Стыдно сказать: ты мне написал, что одна мысль о двадцатитрехдневном плавании по морю приводит тебя в ужас.

После этого что же мне оставалось делать? Я дал себе слово забыть о тебе – и это мне удалось без особого труда.

По временам ты писал мне о своих планах. Что сказать о них? Ты шел по избитой дорожке, проторенной буржуа средней руки. Тебе предстоял выбор: или добиться должности подпрефекта и носить трехцветный шарф, или сделаться „охранителем основ“ и поступить в товарищи прокурора при каком-нибудь провинциальном окружном суде.

Но тебя даже это испугало. Подпрефект и товарищ прокурора должны иногда ездить с места на место, а ты вырос неисправимым сиднем. Ты даже такой незавидной доле предпочел еще более ничтожную и поступил... и чиновники министерства.

Сидень! Чернильная душа! Геморроидалист!

Со временем ты добьешься места столоначальника. У тебя под начальством будет несколько писарей, которые будут тебе завидовать. Департаментские сторожа и курьеры будут тебе низко кланяться... Упоительно!

Чего ж тебе еще нужно?..

Дурак, дурак и дурак».

– Однако твой дядя, видно, охотник до сильных выражений, – заметил, прекратив чтение, Жюльен.

– Да ты читай дальше!

«Воображаю твою жизнь! Квартира где-нибудь на Монмартре, – несколько душных, темных комнат. Весь путь – до канцелярии и обратно, ты носишь полинялый зонтик и резиновые калоши, вечно страдаешь ревматизмом... Пошлая жизнь! Ты считаешь каждый грош и

допытываешься у кухарки, куда она девала остатки вчерашнего супа. Два раза в месяц ты бываешь в театре, но зато куришь омерзительные сигары. Перед начальством ты сгибаешься в три погибели, а то – неровен час – в шею выгонят.

И это – существование порядочного человека? О, сидень! Ты дойдешь до этого, помняи мое слово.

Теперь – другая картина. Вот как бы ты мог жить у меня в гасиенде:

Захотел ты съесть бифштекс или котлетку? Вели убить быка – их у меня десять тысяч голов – или барана – им я уж и счет потерял – и кушай на здоровье, сколько душе угодно. Откушав, вели бросить остальное собакам, потому что вчерашнее мясо у нас есть не принято.

Любишь охотиться? К твоим услугам девственные леса и неисчислимая в них дичь. Обожаешь музыку? Насладись чудным концертом пернатых лесных обитателей. Хочешь золота, алмазов? К твоим услугам богатейшие рудники. Нужна мебель из драгоценного дерева? Леса у нас древесиной изобилуют. Захочешь верхом покататься – у меня такие лошади, которые способны свести с ума любого знатока. Одним словом, к твоим услугам у меня найдется все возможное и даже невозможное.

Если же в один прекрасный день тебя потянуло бы в Париж – поезжай, сделай одолжение. Живи, жуируй, трать по десять тысяч франков в день. Это полезно. Отчего не проветриться?

Вот, милый племянничек, как бы ты мог жить у меня.

После твоего отказа я было решил завещать все свое состояние государству. Но меня что-то удержало. Мне вспомнилась родина – Турэн, вспомнилось милое лицо сестры, вспомнился ее сынишка, розовощекий, толстый мальчуган, – и я растаял. Кровь – не водица, ничего не подделаешь.

Вследствие сего, милый племянник, я назначаю тебя моим единственным наследником.

Оставляю тебе мое поместье Жаккари-Мирим со всеми угодьями, лесами, лугами, выгонами, пашинами, золотыми и алмазными рудниками. Оставляю тебе мои стада, – быков, лошадей, баранов, мои табачные, кофейные и всякие иные плантации. Наконец оставляю тебе всю движимость, запасы в складах и амбарах, слитки серебра и золота, а также бриллианты, находящиеся на хранении в бразильском государственном банке в Рио-де-Жанейро. Одним словом, оставляю тебе все мое имение и состояние.

Одно только условие ставлю я тебе: ты должен лично съездить в Бразилию, в гасиенду Жаккари-Мирим, и лично вступить во владение наследством.

Если ты не сделаешь этого, то оставайся чинушей на всю жизнь. Состояние мое перейдет государству.

Этим все сказано.

Засим прощай, дорогой племянничек. Доброго пути.

Твой дядюшка из Америки

Леонард Вуазен.

P. S. Когда получишь это письмо, я уже умру и буду похоронен. Мой управляющий – рекомендую его тебе: человек в высшей степени честный – погребет меня на земле моего поместья, но достаточно далеко от усадьбы, чтобы я не мешал живым.

*Вид могилы всегда производит довольно грустное впечатление.
Впрочем, ты иногда ко мне на могилу заглядывай, приходи».*

– А ведь у твоего дяди золотое сердце, кроме шуток, – произнес взволнованным голосом Жюльен, окончив чтение. – Несмотря на показной скептицизм, все письмо его проникнуто такой горячей, потребностью кого-нибудь любить, что невольно умиляешься, читая его. Откровенно говоря, ты сделал капитальную глупость, отказавшись тогда от приглашения своего дядюшки. Скажи, по крайней мере, что намерен ты делать теперь?

– Я и сам не знаю. Я совсем голову потерял. Все мысли перепутались.

– Ты болен, что ли?

– Хуже! Гораздо хуже!

– Так неужели трусишь?.. Впрочем, нет. Я видел тебя на войне. Ты вел себя храбро, а я в этом кое-что понимаю.

– Что бы ты сделал на моем месте?

– Очень просто: взял бы место на первом пароходе, отходящем в Бразилию, и поехал бы положить венок из цветов на могилу... которая находится достаточно далеко от усадьбы.

– Я умру, я не вынесу.

– Ах ты, мокрая курица!

– Хорошо тебе говорить: ты не испытал морской болезни.

– А ты-то где успел?

– Однажды нелегкая понесла меня из Гавра морем в Кан. Я рассчитывал совершить приятную прогулку и после поделиться с друзьями путевыми впечатлениями. Но только я ступил ногой на мостик, перекинутый с парохода на пристань, как на меня напал ужасный недуг, напоминающий что-то среднее между холерой и воспалением мозга.

– Обыкновенная морская болезнь.

– Но такая сильная, что я возбудил к себе отвращение и жалость и пассажиров, и матросов. Поминутная икота, рвота, судороги... я думал, что умру.

– От этой болезни не умирают и скоро вылечиваются.

– Ты думаешь?.. От Гавра до Кана езды по морю три часа. Море в этот день было неспокойно, и мы проехали вместо трех часов – восемь. И все это время моя болезнь прогрессировала. Сам капитан, старый морской волк, и тот был удивлен. Он никогда не видал ничего подобного.

– Неужели ты так слаб?

– Восемь часов я терпел качку и восемь часов хворал. Полагаю, что это крайний предел того, что может вынести мой организм. От Бордо до Рио-де-Жанейро двадцать три дня пути. Конечно, в Бразилию придут только мои кости.

– А давно это случилось?

– Лет тринадцать назад.

– С тех пор твой организм мог перемениться. Это часто бывает. Иной в молодости не мог выносить ни малейшей качки, а в зрелом возрасте ему нипочем самое сильное волнение на море.

– Нет, я уверен, что мой организм остался прежним. У меня до сих пор кружится голова от одного вида качелей. Потом я как-то однажды сел в простую речную лодку, и со мною сделалось дурно, так что меня едва не приняли за пьяного. Одним словом, я заболел морской болезнью на Сене. Не правда ли, мило? И после этого ты хочешь, чтобы я плыл через Атлантику!

– Так как же быть?

– Я готов ехать в центральную Африку, на экватор, на Камчатку, к полюсам, куда угодно. Я крепок телом и вовсе не труслив, я готов трудиться, вынести всевозможные лишения и опасности. И при этом, не шутя тебе говорю, я силен, как бык.

– Что-то не верится.

– Уверяю тебя. Ведя сидячую жизнь, я боялся ожирения и записался в члены гимнастического общества. Теперь я великолепно фехтую, стреляю и способен на что угодно.

– Браво!

– Если бы не морская болезнь, я бы пяти минут не промедлил и отправился в Бразилию.

– Отлично. А что, если я тебе предоставлю возможность проехать туда без угрозы морской болезни?

– Повторю тебе: я отправляюсь, не медля ни минуты.

– Хорошо. Дашь честное слово?

– Даю. Только с условием: без морской болезни.

– Принимаю это условие.

– Жюльен! Что ты делаешь?

– Звоню гарсону, чтобы он принес счет и бумагу с пером и чернилами.

– Что ты хочешь писать?

– Будешь писать ты, а не я.

– Что?

– Прошение об отставке в должности.

– Так ты, стало быть, не шутишь?

– Иногда шучу, но в важных вопросах – никогда.

– Ну, хорошо. Я сжигаю свои корабли.

– Это очень хороший способ избежать морской болезни, но только я для тебя избрал другой путь.

– А какой же?

– Покуда – секрет.

И Жюльен прибавил про себя:

– А, голубчик, попался! Ты говоришь о путешествии на Камчатку и экватор как о прогулке по окрестностям Парижа. Хорошо же. Ты у меня поедешь не только на Камчатку, но и во многие другие места. Не я буду, если не свезу тебя в Бразилию... сухим путем.

Глава IV

Гимназическая дружба. – Отставка Жака. – Первое приготовление к длительному путешествию. – По Северной железной дороге. – На пути в Петербург.

Дружба между Жаком Арно и Жюльеном де Кленэ началась еще в гимназии.

Жюльена двенадцатилетним мальчиком отдал в гимназию его опекун Сент-Барб, принявший опеку над огромным состоянием сироты и поспешивший поскорее отделаться от ребенка.

Привыкнув к суровой дисциплине закрытого учебного заведения, Жюльен не знал не только свиданий с родными и праздничных отпусков домой, но даже и летние вакации проводил в гимназии.

Каждый год, когда веселый, шумливый рой школьников разлетался по родным уголкам, бедный малютка-миллионер оставался томиться взаперти вместе с учениками иностранцами: американцами, египтянами и румынами, которых за дальностью расстояния при кратковременности вакаций родные не могли брать домой.

Так рос Жюльен, не зная ни родственной ласки, ни радостей домашнего очага, и легко мог бы отупеть и огрубеть. Но с ним не случилось ни того, ни другого, потому что он, не имея возможности развлекаться, ревностно принялся за учение и все время шел одним из первых учеников.

На третий год своего пребывания в гимназии он однажды после вакаций увидел в толпе неловких новичков только что привезенного из провинции толстого, краснолицего, угловатого, мешковато одетого мальчика, который особенно выделялся своей неуклюжестью.

Этот новичок был Жак Арно, провинциал из Турэни.

«Деревенщина» тотчас же сделался предметом преследования со стороны гимназических забияк, будущих хлыщей, и на него градом посыпались насмешки, впрочем, не столько остроумные, сколько грубые и подчас сальные.

Но Жак оставался невозмутим. Насмешки не действовали на него, да, по правде сказать, он и не понимал смысла большей половины из них. Тогда, желая во что бы то ни стало чем-нибудь пробрать новичка, забияки начали проделывать с ним разные мучительные шутки, которые, кажется, теперь, к счастью, уже вывелись в казенных учебных заведениях.

Однажды бедный толстячок не выдержал и, залившись горькими слезами, забился в угол, точно собачонка, преследуемая уличными мальчишками. Но преследователи достали его и там.

И вдруг – стоп!

Резкий, повелительный окрик, – и вслед за тем на толпу забияк посыпались мастерские удары кулаком, пинки ногою, оплеухи.

У одного оказался подбитым глаз, у другого расквашенным нос, у третьего – фонарь под глазом...

– Смелей! – кричал энергичный голос. – Делай, как я! Колоти их! Кулаками, кулаками... так... молодец!..

Чувствуя поддержку, Жак ободрился и пустил в дело кулаки. Он не был ловок и не умел драться, но сила в нем была, и вдвоем с союзником ему довольно скоро удалось обратить неприятеля в бегство.

Этот неожиданный союзник был не кто иной, как Жюльен де-Кленэ.

Жюльен среди товарищей имел авторитет и пользовался уважением, во-первых, за силу, во-вторых, за хорошее ученье, и в-третьих, за богатство.

Его заступничество навсегда оградило Жака Арно от нападок.

– Чего ты плачешь? – добродушно-строго спросил он толстого увальня.

– Мне больно. Они меня били.

– Никогда не нужно плакать при них. При мне ничего, а при них нельзя. Тебе скучно здесь? Это пройдет. Привыкнешь. Хочешь, будем друзьями? Тогда никто не посмеет тебя пальцем тронуть. Они все трусы, стоит только хорошенько огрызнуться на них.

С этой минуты Жак почувствовал к своему покровителю беспредельную нежность. Он привязался к нему так, как умеют привязываться только цельные, нетронутые натуры, когда впервые отдают свое сердце. Со своей стороны и Жюльен полюбил угловатого мальчика, как всегда мы любим тех, кому оказываем помощь.

Впрочем, Жак сумел прекрасно отплатить своему другу за покровительство. У Жюльена на всю жизнь осталось светлое, радостное воспоминание о том лете, когда он в первый раз в жизни простился со стенами гимназии и поехал провести вакацию у матери Жака госпожи Арно в ее прелестном домике в Монлуи, на берегу Луары, в самой очаровательной турэнской глуши.

Невозможно, да и бесполезно было бы описывать восторг юноши, в первый раз после многих лет вырвавшегося из душных казенных стен.

С этой поры в Жюльене зародилось новое чувство: это необузданная любовь к свободе.

Прошли годы. Жюльен получил несколько первых наград по всем предметам, Жак – несколько похвальных отзывов за сочинения и латинские стихи. Затем кончился курс и того, и другого, получены аттестаты – с очень хорошими отметками Жюльеном и с удовлетворительными Жаком.

По выходе из гимназии восемнадцатилетний Жюльен очутился на свободе, имея в близкой перспективе получение миллионов в полное свое распоряжение. Какое-то врожденное презрение к низким удовольствиям удержало его от падения в пропасть, уже поглотившую столько богатых юнцов, как и он, лишенных опоры и руководства при своем вступлении в жизнь.

Его страсть к свободе получила полное удовлетворение: он пустился в путешествия и побывал во всех пяти частях света.

Сначала он странствовал просто как человек скучающий и праздный, но потом стал относиться к своим путешествиям серьезнее и даже провел несколько замечательных исследований, разом поставивших его в ряд знаменитых путешественников наших дней.

Находясь в Гваякиле, он получил известие о смерти госпожи Арно и оплакал покойную, как родную мать.

Временами он наезжал во Францию, и всегда неожиданно, как снег на голову. Появившись метеором, он наскоро обнимал Жака, делал несколько сообщений и докладов в ученых обществах, заглядывал раз-другой в оперный театр и снова исчезал с парижского горизонта.

О жизни, которую вел Жак, мы уже достаточно знаем из письма его американского дядюшки, так что нам больше нечего добавить.

В то время, с которого начинается наш рассказ, друзья находились в возрасте около тридцати пяти лет. Жюльен де Кленэ, белокурый, среднего роста мужчина, сохранил еще почти всю свою юношескую гибкость и подвижность. Широкоплечий, с высокой грудью, он был очень силен и никогда не знал, что такое болезнь.

Поверхностному наблюдателю его черты, пожалуй, могли бы показаться слишком уж безупречно-правильными и потому банальными, если бы не загорелый цвет его лица и резкий, пронизательный, даже несколько суровый взгляд его глаз, глаз путешественника-исследователя, который привык бесстрашно выслеживать и дикого зверя, и разбойника.

Жак был рыхлый, склонный к тучности, добродушный брюнет с лысеющими висками и зарождающимся брюшком.

Итак, мы познакомили читателя с характерами наших героев. Теперь, следовательно, можно и продолжать рассказ.

Жак, обыкновенно очень сдержанный, на этот раз пил особенно много. Приятель подливал ему то бургонского, то крепких ликеров, и вскоре наш чиновник пришел в блаженное

состояние. Щеки покраснелись, глаза заблестели, и даже на жизнь у него появился другой взгляд.

– Ты говоришь: отставка, – промолвил он, молодцевато закидывая ногу на ногу. – Я, пожалуй, с тобой согласен.

Это говорилось в ту минуту, когда гарсон подавал бумагу, перо и чернильницу.

– Мне кажется, следовало бы на министерской бумаге и в казенном пакете...

– Полно, разве не все равно?

– Что же писать? Я не знаю. Вероятно, для этого есть какая-нибудь форма. Нужно упомянуть о причинах или нет, как ты думаешь?

– Ну вот еще, это ни к чему. Напиши только повежливее и распишись.

– Нет, а я все-таки думаю, что о причинах упомянуть не лишнее.

– Делай как знаешь.

Жак принял самую что ни на есть чиновничью позу и написал прошение об отставке.

– Ну вот, – сказал он, когда подписался с росчерком, – дело сделано. Теперь я готов с тобой хоть на Луну.

«Так, так. Подогрелся, значит, – сказал про себя Жюльен. – Не нужно давать ему остыть. Будем ковать железо, пока горячо».

– Ну, – произнес он вслух, – едем, что ли?

– Куда?

– Отвозить прошение.

– А потом?

– Потом мне нужно будет еще кое-куда заглянуть. Ты поедешь вместе со мной.

– Я готов.

Жюльен крикнул извозчика в белой шляпе, и тот, в ожидании хороших чаевых, лихо покатил наших приятелей по городу.

Вскоре фиакр остановился у подъезда полицейской префектуры.

Жак после обильного завтрака и возлияния вздремнул дорогой. Он проснулся и с удивлением посмотрел на полицейского, стоявшего на дежурстве у подъезда.

– Что такое? – воскликнул он. – Куда это ты меня привез, мой милый? Это не мое министерство. Мне нужно в Люксембург.

– Сейчас поедем и туда, но сначала сюда зайдем.

– Зачем?

– Взять паспорта.

– Как? Так скоро? Да ты мне простодохнуть не даешь.

– Дыши сколько хочешь, сидя в карете, а я тем временем сбегая в префектуру и все устрою без тебя. У меня там много знакомых.

Жюльен ушел и через четверть часа вернулся, складывая на ходу и пряча в бумажник две бумаги казенного формата.

– Вот и паспорта готовы. Теперь дело за отставкой.

Опять остановка возле здания министерства. Жюльен вновь вышел и вернулся назад еще быстрее.

– Ну, теперь все сделано. Твоя отставка подана. Ты больше не служишь. Едем ко мне. 52, бульвар Гаусман! – крикнул он извозчику, и фиакр быстро покатил дальше. – Через полчаса я буду готов, – сказал Жюльен по приезде Жаку, который снова впал в дремоту. – Хочешь подняться ко мне наверх?

– Нет, не надо, мне и здесь хорошо.

– Как хочешь.

Жюльен де Кленэ на случай внезапного отъезда всегда держал у себя дома достаточное количество наличных денег золотом и билетами.

Он набил дорожную сумку банкнотами и золотыми монетами, открыл письменный стол и достал оттуда свой диплом на звание члена Географического Общества и несколько писем от знатных лиц.

К этим бумагам он присоединил несколько свидетельств, аккредитирующих его при французских дипломатических агентствах в качестве члена разных научных обществ, карту полушарий с собственноручными заметками и дополнениями и, наконец, объемистый пакет с бумагой, которую он перечитал с видимым удовольствием, хотя уже давно знал чуть не наизусть ее содержание.

В бумаге значилось:

«Господам посланникам, полномочным министрам,
консулам и начальникам эскадр Ее Величества
королевы Великобританской. Предъявитель сего, французский
гражданин граф Жюльен де Кленэ, путешествует в качестве ученого
исследователя.

Благоволите, милостивые государи, оказывать ему всякое, в чем до кого касаться будет, содействие и покровительство, как если бы он был подданным Ее Величества королевы английской. Всякую услугу, ему оказанную, я сочту за личное для себя одолжение.

Подписано: Лорд Б...

Статс-секретарь».

– Это самая лучшая из всех данных мне рекомендаций, – сказал Жюльен вполголоса, – потому что британские власти всегда обращают внимание на подписи своих министров.

Он позвал единственного слугу, рассчитал его, заплатив вперед годовое жалованье, и велел отнести в карету две дорожные шубы и два меховых одеяла.

Затем он надел сумку через плечо, обвел глазами свое живописное жилище парижанина-космополита и спустился вниз к консьержу, чтобы заплатить за квартиру за год вперед.

– Вы уезжаете, сударь? – осведомился тот. – А ваши письма?

– Не беспокойтесь. Их будет пересылать ко мне сам почтамт. Ну, – обратился он к Жаку, бессознательно гладившему рукою шелковистый мех шуб, – теперь я весь к твоим услугам. Только позволь мне заехать к банкиру и сказать ему словечко. Это в двух шагах отсюда, на Шоссе д'Антен.

– Скажи, пожалуйста, зачем ты берешь с собой шубы и одеяла? Ведь теперь только 15 сентября и жара страшная.

– По ночам зато бывает довольно свежо.

– В постели не чувствуется.

– Постели может у нас и не быть.

– Ты все шутишь.

– Ни капельки. Когда едешь путешествовать, то никогда не знаешь, где будешь спать, да и будешь ли вообще.

– Так разве мы едем путешествовать?

– А ты думал как? Конечно, едем... В Бразилию... разве ты забыл?

– Не может этого быть! – вскричал Жак, привставая с места. – И ты едешь со мной? Ты?

– Я тебя везу.

– Милый Жюльен! Как мне тебя благодарить!

– После когда-нибудь, а теперь мне нужно к банкиру, потом мы найдем карету и поедем кататься в Булонский лес; вернувшись с прогулки, пообедаем в Cafe Anglais и окончим приготовления.

– Окончим!.. Мы их только начнем. Ведь их будет так много.

– Может быть, – загадочно произнес Жюльен.

День кончился по программе, и за обедом в Cafe Anglais Жак, усердно угощаемый Жюльеном, опять очень много пил и не заметил, как приятель подлил ему в ликер какой-то темноватой жидкости из крошечного пузырька.

Была половина восьмого.

Карета быстро проехала расстояние от Cafe Anglais до вокзала Северной железной дороги, и Жак, ничего не сознавая, машинально вошел в вокзал под руку с приятелем и рухнул, как тюк, в спальное купе вагона первого класса.

Спящего разбудили какие-то горловые звуки, произнесенные на чуждом, непонятном языке.

Он проснулся, потянулся и привстал, смотря во все глаза на Жюльена, который насмешливо улыбался.

– Где мы? – спросил Жак.

– Едем по железной дороге.

– А который теперь час?

– 8 часов 40 минут вечера.

– Как! Ведь мы выехали в 8 часов. Значит, я спал только 40 минут?

– Плюс двадцать четыре часа.

– А? Что ты сказал?

– Я говорю, что ты проспал без малого двадцать пять часов.

– Ты с ума сошел!

– Нет. Это тебе так кажется спросонья.

– Так, стало быть, мы уже много отъехали от Парижа?

– Тысячу километров.

– Значит, мы в Германии?

– Да. В Берлине. Это наша первая станция на пути в Бразилию. Выходи и давай обедать. Ты, вероятно, страшно голоден.

Жак поначалу совсем опешил и не знал, как поступать, что говорить. Он машинально шел за Жюльеном к буфету, стараясь убедить себя, что видит все происходящее во сне.

Громадный рыжий немец проворно подал им сытный обед и налил в кружки пенистого баварского пива, сказав Жюльену, что следующий поезд в Петербург отходит через час с четвертью. Жак на лету уловил слово «Петербург».

– Так, – сказал он. – Кошмар все еще продолжается.

Он рассмеялся и прибавил, как бы в шутку над самим собою:

– Выходит, что я еду в Петербург. Это интересно.

– Едешь, едешь, – весело отвечал ему Жюльен.

– А что мы с тобой будем делать в северной Пальмире?

– Будем искать средство против морской болезни.

Глава V

Жак Арно убедился наконец, что все происходящее не во сне. – От Диршау до Петербурга. – «Я бы желал вернуться в Париж». – Как переехать через Берингов пролив, не переплывая его? – Обетованная земля. – Русские впечатления Жака. – Его пассивность. – В тарантасе. – Из Москвы в Пермь через Казань. – Из Перми в Екатеринбург по железной дороге. – Жак непочтительно выражается об Уральских горах, называя их кочками. – Граница между Европой и Азией. – Владимирка.

Жак Арно пил и ел совершенно машинально, не произнося ни слова и точно все еще во сне.

Внезапно раздавшийся свисток поезда, отходившего к русско-германской границе, вернул его наконец к сознанию действительности.

Он понял, что все происходящее совершается наяву, и грустно вздохнул, убедившись, что как он там ни вертись, а путешествия уже не избежать.

Вчерашнего возбуждения его как не бывало. Мюнхенское пиво не в состоянии так расшевелить человека, как несравненный бургонский нектар.

Друзья уселись в спальное купе, и Жюльен, рассудив, что не следует мешать товарищу размышлять, спокойно расположился для сна.

– Итак, – промолвил Жак упавшим голосом, – мы едем путешествовать...

– Конечно.

– Ну и куда мы сейчас направляемся? В Петербург?

– Да. Ведь я тебе это сказал еще там, в буфете.

– Разве это так необходимо?

– Можно и иначе. Можно вернуться в Кельн, оттуда проехать в Гамбург, из Гамбурга в Лондон на почтовом пароходе, а оттуда через Лиссабон, Тенериф и Пернамбуко морем в Бразилию.

– Нет, так я не хочу.

– Ну, так дай мне тоже поспать. Ты выспался, а я нет. Завтра в половине седьмого мы будем в Диршау, то есть в пятистах километрах отсюда. Тогда будет светло, и мы успеем вволю наговориться вплоть до самого Кенигсберга, откуда мы проедем в Эйдкунен, пограничный немецкий пункт в восьмистах километрах от Берлина. От Эйдкунена будет всего два километра до Вержболова, первого русского города на нашем пути. Покойной ночи!

С этими словами Жюльен закрыл глаза и по привычке опытного путешественника сделал над собой усилие, чтобы заснуть. Спустя две минуты он уже спал глубоким сном, предоставив Жака его собственным думам, которые, судя по вздохам подневольного путешественника, были далеко не веселого свойства.

В шесть часов утра Жюльен открыл глаза.

– С добрым утром, путешественник! – сказал он приятелю, который был еще мрачнее и нахмуреннее вчерашнего. – Будет сидеть как сыч, развеселись. Ну, что это, в самом деле? Ведь нехорошо...

– Я всю ночь думал.

– Разумнее было бы спать.

– И надумал вернуться в Париж. Бог с ним, с наследством. Не нужно оно мне.

– А как же отставка?

– Я опять поступлю на службу. Обо мне похлопочут влиятельные друзья, и все устроится.

– Послушай, да ведь над тобой все куры будут смеяться.

– Лучше пусть куры смеются, чем я буду вести такую жизнь.

– Да как ты вернешься? Как ты уедешь отсюда? Я уверен, что у тебя нет в кармане ни гроша.

Жак открыл портмоне и нашел в нем семнадцать франков и сорок пять сантимов. Жюльен рассмеялся.

– Ты, может быть, рассчитываешь, что немецкие железные дороги повезут тебя даром или в кредит?

– Я возьму у тебя денег взаймы.

– А я ни за что тебе не дам. Ты обещал ехать со мной в Бразилию. Честным словом пренебрегать нельзя. Так что волей-неволей ты последуешь за мной, если только не предпочтешь выйти из вагона в Диршау и возвратиться во Францию пешком, питаюсь по дороге подаяниями Христа ради, картофелем и кислой капустой.

– Но подумай, Жюльен: со мной нет ни багажа, ни денег, ни даже чистой сорочки.

– У меня в сумке сорок тысяч наличными. Этого хватит на все, что угодно. Кроме того, я везу с собой на всякий случай векселя от моего банкира во все главнейшие банки на нашем пути. Понял ты это?

– Я даже за квартиру не заплатил... Хозяин рассердится и продаст мой скраб с аукциона.

– Не беспокойся. Я поручил все тому же банкиру отдать твою мебель на сохранение. Что касается до внезапности твоего исчезновения, то сознайся, что весьма забавно, если полиция твоего участка станет искать тебя в морге.

– У тебя на все есть ответ. Но главное дело даже не в этом, а в том, что я уже утомился и не могу ехать дальше.

– Ну, полно, как не стыдно! Что ты за баба? Встряхнись... Впрочем, вот что я тебе скажу. Я знал, что так будет, что ты передумаешь, и решил тебя похитить. Ведь хорошо я придумал, а? Что ты на это скажешь?

– Не знаю.

– Не знаешь? Ну, так я тебе сейчас объясню, и ты, наверное, сам похвалишь меня.

Жюльен достал из сумки карту обоих полушарий, наклеенную на полотне, и разложил ее на подушке.

– Я никогда с ней не расстаюсь, – сказал он. – Видишь эти отметки и надписи? Здесь вся моя жизнь. Все места, где я бывал, все реки, через которые я переправлялся, я отмечал своей рукой. О жизнь, полная свободы и приключений, тревожная, трудная, но привольная жизнь! Никогда, никогда, кажется, не пожалею, что я ее избрал.

Жак с удивлением смотрел на друга и молчал. Этот неожиданный и необычайный лирический порыв изумил его, потряс до глубины души.

– Вот, взгляни, – продолжал Жюльен. – Тут вся наша земля. Смотри, как нам с тобой придется ехать вокруг света.

– Вокруг света! – вскричал Жак, поддаваясь прежнему страху. – Ты шутишь. Для кругосветного путешествия нужно следовать морским путем, а я не могу ехать морем, – понимаешь ты это?

– Впоследствии увидим. А теперь я держусь пока только своей первоначальной программы – проехать в Бразилию сухим путем.

– Через Петербург?

– Да.

– Хороша дорога, нечего сказать.

– По крайней мере, не будет ни боковой, ни килевой качки, а для тебя это важнее всего. Итак, вот наш маршрут: Петербург, Москва, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск и Иркутск.

– Очень мило: через всю Сибирь.

– В санях от Тюмени до Байкала и от Байкала до крайнего северо-восточного пункта Азии.

– Я против саней ничего не имею и мороза тоже не боюсь.

– От Иркутска мы проедем вдоль Байкала и спустимся по Лене до Якутска.

– По реке?... Ни за что! Я не поеду по воде, и ты мне это обещал.

– Лена замерзнет. Мы поедем по льду. Он в России очень крепок на реках.

– Прекрасно.

– От Якутска мы поедем дальше на северо-восток, переправимся через небольшую цепь Верхоянских гор, достигнем Колымы и спустимся по ней до устья. В Нижне-Колымске мы обновим наши запасы, перешагнем через Полярный круг и очутимся на 69° северной широты.

– Брр!.. Продолжай.

– Что? Сам заинтересовался?

– Позволь спросить: будут у нас почтовые лошади для саней?

– И лошади, и олени, и собаки. Не беспокойся, не застрянем нигде. Таким образом мы приедем в страну чукчей. Перед нами будет мыс Восточный, крайняя оконечность Азии, отделенная от Америки узким Беринговым проливом. Мы будем уже в другом полушарии... Пролив имеет ширину всего пятьдесят километров.

– Так. Тут-то я тебя и подстерегал. Помни, дружок: плавать не полагается – ни пятидесяти километров, ни пятидесяти метров, ни даже пятидесяти сантиметров. Это мое последнее слово.

– Мы и не будем плавать. И Лена, и Колыма, и Берингов пролив покроются льдом. Мы переправимся через них в санях, так что ты и не заметишь, что мы едем не по суше. И вот мы приедем на американский материк возле мыса Принца Валлийского, в страну эскимосов. Это будут прежние российско-американские владения, теперь принадлежащие Соединенным Штатам и известные под именем территории Аляски. Здесь мы опять обновим свои запасы, что будет весьма кстати. Далее мы переправимся через Аляскинские горы и, не без труда достигнув Скалистых гор, направимся на юго-восток. Проехав английскую Колумбию, мы очутимся уже в цивилизованной стране.

– Как? Так скоро?

– Вот это мне нравится: то совсем не хотел ехать, то жалеет, что скоро кончится путешествие... Однако я продолжаю. Вот штат Вашингтон и ветвь железной дороги, которая от Такомы под 49° северной широты довезет нас через весь этот штат и через штат Орегон до Канонвиля, находящегося под 43° северной широты. После трудной езды на чем Бог послал эти 45 километров по железной дороге покажутся очень приятным путешествием. Далее, на 42-й параллели, будет калифорнийская граница. Вот маленький городок Ганлей, от которого ведут железную дорогу – теперь она уж, должно быть, окончена – через всю Калифорнию с севера на юг. Мы проедем эту страну быстро, если только ты не пожелаешь остановиться в ней подольше.

– Это мы увидим.

– Сакраменто и Стоктон стоит посмотреть. Потом уж все пойдет как по маслу, и мы не заметим, как проедем железной дорогой всю Америку и достигнем Аризоны в тридцати километрах от Мексики...

– Постой! Дай дух перевести: у меня голова закружилась от такой пестроты и быстроты.

– Без нежностей, милостивый государь!.. За Аризоной следует Альтар, Гермосио, Гуаймас, Кулиакан, Сан-Луис-Потози – этот путь мы преодолеем на лошадях, – затем Мексика и коротенькая веточка железной дороги до Оризабы. Далее мы пустимся через Гватемалу, через мелкие республики: Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика, пересечем Панамский перешеек и прибудем в Соединенные Штаты Колумбии. Здравствуй, значит, Южная Америка. Вот она, взгляни: огромное пространство, изрезанное реками, в числе которых величественная Амазонка, царица рек. Это твоя обетованная земля, страна дядюшек-миллионе-

ров и богатых гасиенд. Но до нее нужно будет сначала добраться. На пути будут республики: Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия. К несчастью, там очень мало железных дорог. Не будь у тебя этой нелепой водобоязни, мы отлично могли бы ехать по рекам, а теперь...

– Только не по воде... об этом и речи не может быть. Иначе вези меня назад.

– Да ладно, ладно. И вот мы приезжаем в гасиенду Жаккари-Мирим, расположенную на одноименной реке, впадающей в один из притоков Параны. Ну, что же? Разве я не сдержал слова? Разве я не привез тебя в Бразилию сухим путем?

Жак приехал в Петербург с предвзятым намерением ни на что не смотреть и ничем не интересоваться. Когда Жюльен упрекнул его в этом, он отвечал:

– Я решил относиться к путешествию безучастно. Делай со мной, что хочешь. Я буду твоим багажом, который ты можешь везти куда угодно, но лишь... сухим путем.

– Неужели тебя не интересует Россия?

– Нисколько! Петербург, по-моему, такой же город, как и все. Много красивых домов, нарядных дам и мужчин, много военных, газ... совершенно все так же, как и везде. Одна только разница: у церквей золоченые купола, как у нас на Инвалидном Доме, и у всех кучеров бороды... Я готов ездить с тобой по посольствам, магазинам и театрам, но это меня нисколько не занимает. Довольствуйся тем, что я есть, и оставь меня в покое.

– Нечего сказать, хороший будет у меня спутник.

– Какой есть. Впрочем, впоследствии во мне, быть может, и проснется интерес ко всему, хотя я сильно в этом сомневаюсь. Вот о чем я хотел тебя еще попросить: нельзя ли тебе устроить отсюда наш отъезд поскорее? Мне скучно, хочется поскорее на простор, в Сибирь.

– Подожди еще два дня, и мы выедем.

Два дня прошли, и приятели выехали по Николаевской железной дороге в Москву. В древней столице московских царей они не останавливались вовсе и прямо проехали в Нижний Новгород, где кончается железнодорожный путь.

Несмотря на свое подлинное или напускное равнодушие ко всему, Жак не мог не заметить, что у Жюльена нет никакого багажа, кроме небольшого ручного чемоданчика.

– Успокойся, – отвечал ему с улыбкой Жюльен, – у нас, напротив, очень много багажа. Я купил великолепные сани. В них лежат все наши вещи, платье, шубы, оружие, припасы, книги... Если тебе показать список всего, так ты ужаснешься.

– А где же эти сани?

– Они едут на одном поезде с нами... на экипажной платформе, прицепленной в конце состава.

– Так. Но ведь ты говоришь, что от Нижнего Новгорода железной дороги нет. Что же мы будем делать с санями? Ведь теперь не зима, и снегу еще долго не будет.

– Мы отправим сани в Пермь на пароходе «Днепр», а сами будем трястись в тарантасе по сухопутной дороге.

– А велико ли расстояние между этими двумя городами?

– С неделю проедем, если не особенно будем спешить.

– Хорошо.

По приезде в Нижний, Жак, скрепя сердце, сел с принтелем в тарантас и покатиł на тройке с колокольчиком по тряской дороге. Его ужасно подбрасывало, но он ни разу не пожаловался и строго хранил свое напускное равнодушие. Он ни разу даже не взглянул на красавицу Волгу, которая медленно катила свои волны по правую руку от него. Проехали Казань, причем Жак даже взглядом не удостоил эту древнюю столицу татарского царства, и на восьмой день этого адского путешествия прибыли в Пермь.

– Дальше мы снова поедем по железной дороге, – сказал Жюльен, с наслаждением предвкушая более спокойную езду.

– Жаль, – отвечал Жак, – я было привык к тарантасу.

– Можешь утешиться. Это только ветвь от Перми до Екатеринбурга. Скоро мы опять сядем в тарантас.

– Очень приятно.

Жюльен опять нанял платформу для саней, уже давно привезенных в Пермь пароходом «Днепр» и стоявших на товарной станции, и занял с Жаком купе первого класса.

– Урал! – произнес он несколько часов спустя, указывая Жаку из окна вагона на ряд сероватых возвышенностей, тянувшихся вдаль с севера на юг.

– Ну уж и горы! – презрительно отвечал тот. – Какие низенькие!

– Да, невысоки, – согласился Жюльен, – но тем не менее они производят на меня сильное впечатление.

– Вольно же тебе!.. Впрочем, ты и в Перми восхищался домами... деревянными хижинами какими-то... Разве это горы? Это кочки, бугры, – все, что хочешь, только не горы.

– Зато они – граница между Азией и Европой. Через несколько минут мы вступим на землю, которая считается колыбелью рода человеческого. Видишь ты каменный столб?

– Вижу. Что же это такое?

– Это пограничный столб между варварством и цивилизацией.

– Азия! Азия! – воскликнул с комическим ужасом Жак. – Я в Азии! Думал ли я когда-нибудь, что это случится, – я, не ездивший в жизни своей дальше главного города в кальявасском департаменте!

– Не говоря уже о том, что ты едешь в Сибирь, пространство которой – страшно сказать! – равняется четырнадцати миллионам квадратных километров. В Сибирь, страну хвойных лесов, населенных оленями, медведями и волками; в страну золота, драгоценных камней, льда и каторжников, в страну гигантских рек и бесконечных степей; в страну диких северных народов и полярной ночи!..

Час спустя наши приятели были уже в Екатеринбурге и снова садились в тарантас.

– Знаешь, как называется дорога, по которой мы едем? – спросил Жюльен своего друга, который тщетно старался сосчитать число сделанных им километров.

– Нет, не знаю.

– Это знаменитая Владимирка...

– Я все-таки не понимаю сути этого названия.

– По этой дороге гоняют в Сибирь ссыльных.

– А...

Через неделю наши путешественники благополучно прибыли в Омск, столицу Западной Сибири.

Глава VI

Столица Западной Сибири. – Пребывание в Омске. – Жаку очень нравятся степи. – Море без качки. – Первые холода или «зазимье». – Санний «первопутник». – Отъезд. – Дорожный костюм для езды по Сибири. – Шампанское среди степи. – Ишимский острог.

Торопясь проехать поскорее громадное расстояние между Москвою и Омском, Жюльен де Кленэ имел определенную цель.

Ему захотелось завести своего приятеля подальше и тем лишить его каких-либо шансов на возвращение назад в одиночку.

Он надеялся, что по мере дальнейшего своего углубления в бесконечные степи этой азиатской страны подневольный путешественник все меньше и меньше будет протестовать против совершившегося и, кроме того, по привыкнет к трудностям.

Как Жюльен предвидел, так и случилось. Чем дальше ехали приятели, тем веселее становился Жак Арно и приходил с каждой переменной лошадей, с каждым появлением нового ямщика на козлах тарантаса все в лучшее и лучшее расположение духа.

Чем далее проникал он в этот неведомый мир, тем туманнее представлялась ему покинутая европейская цивилизация. Временами по поводу какой-нибудь необыкновенной встречи, или странного костюма, или оригинального типа в душе Жака оживали воспоминания о Европе, но теперь они уже не возбуждали в нем желания вернуться домой, а только порождали ассоциации, будили мысль.

Такой прогресс в настроении друга, бывший следствием быстрого переезда через страну, не похожую ни на какую другую, бесконечно радовал сердце Жюльена де Кленэ. Он имел теперь основание надеяться, что его друг сделается для него более приятным спутником, чем до сих пор, и перестанет исполнять роль живого багажа, безучастного ко всему окружающему и даже к своей собственной участи.

Жак уже больше не поднимал вопроса о своей отставке. Он добросовестно послал к черту свою канцелярию, научился на ломаном русском языке покрикивать на ямщиков: «Пашоль», – и не пропускал случая щегольнуть на станциях своим знанием нескольких фраз, которые, впрочем, вследствие некоторой фантастичности выговора, были для сибиряков не столько понятны, сколько удивительны.

Таково было настроение нашего канцелярского чиновника, когда он тройкой в тарантасе торжественно въезжал в Омск, столицу Западной Сибири.

Омск – довольно красивый город, расположенный при слиянии Оми и Иртыша, на обоих берегах первой и на правом берегу последнего. В нем до 18 тысяч жителей, по преимуществу чиновников, купцов и золотопромышленников.

Крепость в Омске построена в 1760 году и теперь, конечно, устарела, но все-таки она до сих пор представляет один из важнейших форпостов Западной Сибири.

Имея в карманах целую кучу рекомендательных писем от влиятельных лиц, наши друзья были радушно приняты местным бомондом и очень весело провели время. А пробыли они в Омске немало. Благоразумный Жюльен рассудил, что первую часть путешествия лучше совершить до наступления холодов, чтобы дать Жаку постепенно привыкнуть к сибирскому климату и местным обычаям и лишь после этого повезти его далее по северной стране.

Кроме того, он еще опасался, как бы Жак, приехавши в Москву зимою, не вздумал наотрез отказаться от санного путешествия по бесконечным снежным равнинам. Это очень легко могло случиться, так как тогда ретироваться было еще не поздно. Но теперь, в глубине Сибири, настаивать на возвращении смешно, потому что отсюда решительно все равно куда ехать: что назад, что вперед.

К своему величайшему удивлению Жюльен вдруг увидел, что Жаку необыкновенно понравилась необозримая степь, окружающая город.

На подневольного путешественника произвела сильное и вместе с тем приятное впечатление эта бесконечная, необъятная равнина, покрытая лишь травой и на вид переменчивая, как море, в зависимости от погоды.

В сумрачные дни, когда по небу ходили облака и по степи гулял ветер, трава волновалась, как океан, и принимала темный оттенок, напоминая сумрак бездны. В хорошую погоду, когда ярко светило солнце, степь переливалась всевозможными оттенками зеленого цвета, – сочетаниями самыми разнообразными и неожиданными и вместе необыкновенно приятными для глаз.

И Жак, вдруг полюбивший степь со всем пылом природного сибиряка, целыми часами предавался безмолвному созерцанию.

Действительно, степь, по словам отважного французского путешественника Виктора Меньяна, объехавшего Сибирь и Монголию, представляет для жителей Омска то же, что горы для горца, что море для матроса, что небо для воздухоплавателя. С нею советуются каждое утро. По ней узнают погоду и, следовательно, сообразуют свои действия. В Омске любят степь. Она кормит скот; она дает приют диким зверям, охота за которыми составляет любимое занятие омича. Праздники и гулянья народного характера устраиваются в степи; в степь же направляются для прогулок и в одиночку; идти или ехать по степи – для омича наслаждение, и это делается понятным всякому, кто хоть раз ее увидит.

Когда Жюльен выразил удовлетворение тем, что его друг нашел наконец для себя интерес в путешествии, Жак отвечал:

– Неудивительно, что после сидячей жизни в Париже я пришел в восторг от этого моря зелени. Что я там видел, кроме зеленого сукна на своем канцелярском столе, а здесь – смотри, какая ширь, какая необъятность. Вообрази только – ведь это море, только без кораблей и без качки. Подумай – ведь это мой идеал.

Друзья проводили время весело: охотились, удили рыбу, ловили ее неводом, ездили верхом и в экипаже, совершали прогулки пешком. Дневные удовольствия оканчивались вечерами, проводимыми в приятном обществе.

Но вот наступили и первые заморозки. Несколько раз выпадал снежок. Потом вдруг после непродолжительного зазимья термометр упал сразу на 14 градусов ниже нуля. Накануне в ночь выпал обильный снег и окутал степь снежным саваном.

Жак печально смотрел на свою приятельницу степь, укрывшуюся белым плащом зимы.

– Что, голубчик? – сказал ему Жюльен. – Ведь хорошо, а? Степь еще лучше стала, а?

Но Жак нерешительно молчал. Он еще сам не знал, лучше так или хуже.

– Если такая погода простоит еще недели две, – продолжал Жюльен, – то нам можно будет продолжать путь.

– Ну, что ж, и отлично, – покорно сказал Жак, хотя и без восторга. – Ехать так ехать.

Жюльен словно напроорочил. В этот год зима, как нарочно, установилась необычайно рано, так что даже старожилы удивлялись. Термометр всю неделю не поднимался выше 19° холода по Реомюру³, снег окончательно улегся, и реки стали, скованные льдом.

Установился санный путь. Друзья решили немедленно выехать по этому первопутку.

У них уже давно все было готово: сани нагружены провизией, шубы находились в порядке. Они нанесли прощальные визиты знакомым и поехали к себе на квартиру одеваться в дорогу.

Много смеху было, когда совершалось это переодевание. Укутываясь, друзья под конец буквально пыхтели от усталости. Надевши три пары шерстяных чулок, они сверху натянули

³ 1° по шкале Реомюра равен 1,25° по Цельсию.

еще пару войлочных и обулись в высокие меховые сапоги, преогромные и претяжелые. После этого они надели на себя легкие, но чрезвычайно теплые оленьи дохи и затем еще несколько шуб; самые верхние шубы были с капюшонами, под которыми окончательно исчезли головы путешественников, и без того уже прикрытые огромными меховыми шапками.

В таком виде Жюльен и Жак вышли из квартиры и сели в сани, нагруженные чемоданами, баулами, ящиками, ящичками, перинами, матрацами и подушками.

Запряженные тройкой лошади нетерпеливо били копытами и грызли удила. Помогавший господам сесть ямщик вспрыгнул на облучок, гикнул, и тройка, звеня колокольчиком, во весь дух помчалась по гладкой укатанной дороге.

Сани наших путешественников выехали не одни. За ними ехало еще саней двадцать, в которых сидели омские знакомые Жюльена и Жака, пожелавшие проводить французов до первой станции, то есть верст двадцать пять.

Не доезжая до станции, поезд остановился в открытом поле, и все провожавшие, выйдя из своих саней, направились к передним. У каждого из провожавших было под мышкой по бутылке шампанского. Откуда-то явились стаканы. Шипучая влага полилась, запенилась, послышалось чоканье, посыпались пожелания доброго пути...

Но вот опорожненные бутылки брошены, стаканы тоже полетели со звоном на мерзлый снег и, разбиваясь, смешали блестящую игру осколков с алмазным сверканием озаренного солнцем снега.

Оригинальное сибирское прощание кончилось. Сани путешественников понеслись дальше по дороге в Томск, а провожавшие поехали назад.

В первые дни езда на санях была чрезвычайно занимательна. Так приятно скользить почти без малейших толчков по ровной, гладкой дороге, не слыша даже стука лошадиных подков. Только колокольчик заливается своей бесконечною песней, и всюду кругом только снег, снег и снег...

Жак Арно и Жюльен де Кленэ, наслаждаясь этим своеобразным комфортом, в три дня доехали до Томска, находя, что все идет как нельзя лучше в этом лучшем из миров, и рассчитывая, что дальнейшее их путешествие будет так же мило и комфортабельно, как протекало оно до сих пор.

В Томске они остановились ненадолго, только представились губернатору, и поехали далее в Иркутск. Благополучно проехав Семилукский этап, они прибыли в Ишимский⁴, где с ними случилась уже известная нашим читателям неприятность...

Пока они спали тяжелым сном на арестантских нарах, староста Михайлов все думал о том, как бы освободить их поскорее из-под ареста. Он знал, что капитан Игумнов страшный формалист и ни за что не выпустит их, прежде чем де наведет самых кропотливых справок, а в Сибири это затянется надолго.

Михайлов вспомнил, что теперешний губернатор слыл замечательно гуманным и честным человеком. Кроме того, они были прежде довольно хорошо знакомы между собою, часто встречаясь друг с другом в петербургском обществе.

И он придумал средство ускорить освобождение арестованных.

Позвав осторожного служителя, он велел ему сыскать где-нибудь в поселке мужика, который согласился бы отнести письмо в Томск, но так, чтобы начальство не знало.

Мужика привели. Дав ему три рубля на водку и взяв с него обещание доставить послание по назначению, Михайлов отправил с ним письмо к губернатору, в котором извещал сановника о приключении с французами, брал на себя смелость удостоверить их личности и, на правах прежнего знакомого, просил принять меры к немедленному освобождению путешественников.

Мужик перекрестился на образа, сунул врученное ему письмо за пазуху и вышел.

⁴ Авторская неточность: названные населенные пункты находятся близ Омска, а не между Томском и Иркутском.

Глава VII

Пробуждение в остроге. – Неудачная прогулка по двору острога. – Вестник радости. – Освобождение. – За завтраком. – Жак делается другим человеком. – Go ahead⁵. – В путь, в Иркутск. – До свиданья.

Когда друзья проснулись утром после тяжелого сна, все их товарищи по камере уже встали. Внесли арестантский завтрак, от которого Жюльен и Жак отказались и попросили слугу позвать к ним старосту.

Через несколько минут пришел Михайлов.

– Ну что, как провели ночь? – обратился он к французам после дружеского рукопожатия. – Плохо, конечно? Ну, что ж делать. Зато я могу вас утешить – я послал письмо к губернатору с верным человеком. Ответ должен прийти не позднее завтрашнего утра.

– Вы это сделали! О, как нам вас благодарить!.. – вскричал Жюльен, протягивая старосте обе руки.

– Полноте, что вы? Что ж тут особенного? – возражал Михайлов, сконфуженный этим порывом благодарности. – Оставим это, поговорим лучше о деле. Нынешний день вам во всяком случае придется провести в остроге. Пищу с арестантского стола вы, конечно, есть не будете. Уполномочиваете вы меня позаботиться о вас?

– Но... У нас ничего нет. Наш багаж, наши деньги отобраны.

– Это ничего не значит. Я как староста могу из арестованных денег вытребовать часть на расходы для вас. В городе можно будет достать порядочный обед и завтрак... наконец, самовар, чай...

– Пожалуйста. Мы вам будем очень признательны...

Благодаря заботливости добряка Михайлова, у друзей появился в остроге некоторый комфорт, скрасивший их грустное пребывание там.

Скучно прошел день, несмотря даже на то, что им позволили среди дня выйти погулять на острожном дворе в числе нескольких других арестантов и, разумеется, под строгим надзором. Прогулка эта ознаменовалась довольно смешным приключением, героем которого явился Жак Арно.

Метель, бушевавшая ночью, намела во дворе огромный сугроб пушистого, рыхлого снега. Жаку вдруг пришла фантазия влезть на него, чтобы выглянуть через высокую стену острога и хоть одним глазком окинуть свою приятельницу степь. Но он не рассчитал, что рыхлый снег не выдержит тяжести человека. Едва успел он подняться на половину сугроба, как в ту же минуту с головой провалился в снег и, преуморительно барахтаясь и отряхиваясь, вылез оттуда с помощью подбежавшего Жюльена. Арестанты столпились около сугроба и громко хохотали.

– Точно маленький! – говорили они. – Вот так барин!

Но вот и окончился скучный день. Настала ночь, и друзья снова улеглись на жесткие нары...

Наутро их ждала счастливая весть, обрадовавшая их, тем более, что они никак не ожидали ее так скоро.

Нарочный, посланный Михайловым, в ту же ночь оседлал быструю сибирскую лошадку и во весь опор помчался в Томск.

Лишь только стало смеркаться (а в это время в Сибири смеркается рано), как он уже подъезжал к губернаторскому дому и потребовал, чтобы привезенное им письмо немедленно передали в собственные руки его превосходительства.

Пробежав письмо, добряк губернатор заволновался.

⁵ Вперед (англ.).

– Как! Возможно ли – такая несчастная ошибка! Вот неприятность! Какой, право, неосмотрительный этот капитан Игумнов... Неужели что те французы, что проехали недавно через Томск? Вероятно, они... Ужасно неприятно... Надо, однако, хорошенько расследовать...

Губернатор взволнованно позвонил.

– Пошлите ко мне чиновника особых поручений господина Добровольского.

Через несколько минут в кабинет администратора вошел представительный молодой человек в форменном фраке.

– Николай Петрович, – торопливо обратился к нему начальник губернии, равной по пространству половине Франции, если не больше, – прочтите-ка, что мне пишут.

Чиновник взял поданное ему губернатором письмо, прочитал и возвратил назад с почтительным поклоном.

– Что скажете? – продолжал губернатор.

– Почти наверное можно сказать, ваше превосходительство, что это те самые путешественники, которые недавно проследовали через наш город и проездом нанесли визит вам.

– Как же быть?

– Надо расследовать на месте. Все может быть. А вдруг окажется, что Игумнов прав?

– Вы видели их? Знаете?

– Как же не знать, ваше превосходительство? Мы были друг другу представлены.

– Так вот что, голубчик Николай Петрович... Поезжайте немедленно, на курьерских, в Ишим и распорядитесь. Если действительно ошибка – передайте этим господам от меня – слышите, от меня, – что я очень сожалею и извиняюсь. Как только приедете, немедленно телеграфируйте мне, что и как... Кроме вас там на месте никто не может удостоверить их личности... Поезжайте же с Богом.

Чиновник особых поручений откланялся, и через десять минут его сани тройкой уже неслись во весь опор по дороге в Ишим...

Он ехал всю ночь, останавливаясь лишь для перемены лошадей, и наутро, как снег на голову, явился в этап.

Рано утром арестованных путешественников, едва они успели проснуться и позавтракать, вызвали в канцелярию острога. Там уже были в сборе все острожное начальство, ишимский уездный исправник и начальник этапной команды, сам строгий и суровый капитан Игумнов.

Едва Жюльен и Жак вошли в канцелярию, как сейчас же узнали Добровольского, а тот их. Встреча была дружеская, любезная. Послышались восклицания. Губернаторский чиновник обернулся к капитану Игумнову и сказал:

– Конечно, вы действовали по уставу, и все же это чрезвычайно неприятно.

Игумнов молчал. Он был сконфужен.

– Господа, – продолжал Добровольский, обращаясь к путешественникам, – я уполномочен передать вам, что его превосходительство искренне сожалеет о случившемся. Забудьте эту неприятность тем более, что его превосходительство немедленно принял меры к расследованию дела, лишь только узнал о случившемся. Капитан Игумнов, конечно, виноват, но он действовал, во всяком случае, добросовестно; в этом нет причин сомневаться.

Капитан подошел и сконфуженно произнес:

– Извините меня, старика. Уверю вас, я очень сожалею, что такое вышло... но, право, я думал, что исполняю долг.

Французам стало жаль старого служаку. Они протянули ему руки и заявили, что несколько не сердится и готовы забыть происшедшее.

Так, наконец, уладилось печальное недоразумение с нашими путешественниками. Им объявили, что они свободны и могут во всякое время получить свой багаж, на который был тоже наложен арест.

Когда все было оформлено и протокол об их освобождении составлен и подписан, Добровольский подошел к ним со словами:

– Господа, я сейчас посылаю губернатору телеграмму с донесением о том, что все улажено. Вместе с тем в этой же телеграмме я намерен сделать ему представление: не проехать ли мне в Иркутск, чтобы лично донести генерал-губернатору, которому подчинена и наша губерния, о случившемся и тем заранее предупредить превратные толки, которые могут до него дойти. Если его превосходительство согласится с моим представлением, то я могу быть вашим попутчиком. Вы ничего против этого не имеете?

– О, напротив, мы будем очень рады! – воскликнули в один голос Жюльен и Жак.

– А теперь, господа, не угодно ли вам пройти в кабинет рядом с канцелярией. Вы можете расположиться в нем, как дома, и вам, если хотите, принесут сюда ваши вещи. Прямо отсюда мы сможем отправиться в путь, как только придет телеграмма.

Добровольский велел принести самовар и угостил путешественников превосходным, ароматным чаем, а они его за это своими консервами, которые сначала пришлось отогреть, потому что они были совершенно холодные.

Завтрак прошел весело. Много болтали, смеялись. Добровольский, как водится, прекрасно говорил по-французски. Он очень удивлялся фантазии французов – ехать в Бразилию сухим путем.

– Это вот все он, – говорил Жюльен, указывая на друга. – Ни за что не хочет ехать морем – и баста! А скажи по совести, Жак, ведь тебе уж надоело путешествовать? Не хочешь ли назад? А?

Жак даже подпрыгнул на стуле и с живостью вскричал:

– Ни за что!

– Как? Это говоришь мне ты? Ты?

– Да, я.

– Вот странная перемена. Да ты ли это, Жак? Уж не подменили ли тебя? Ты стал совсем другим человеком.

– Может быть. Но только я назад возвращаться не желаю. Хотя бы мне пришлось идти пешком по снегу до самого Берингова пролива, хотя бы, мне на каждом шагу приходилось наткаться на капитанов Игумновых и через каждую станцию сидеть в остроге, хотя бы мне пришлось зимовать в юртах диких чукчей и питаться тюленьим жиром, хотя бы... Одним словом, я во что бы то ни стало еду вперед. Я не держал никакого пари, и ни лично я, ни моя национальная честь не задеты в вопросе о том, доеду ли я до Бразилии сухим путем или нет, но я все-таки заявляю, как американец: go ahead!

– Bravo! – вскричали сотрапезники Жака, любуясь его неожиданным энтузиазмом.

– Итак, господа, давайте чокнемся за наше счастливое путешествие, – закончил Жак свой восторженный спич.

Сотрапезники чокнулись и выпили. Добровольский заговорил:

– Господа, ваши сани сломаны. Это, кажется, случилось во время ареста и по вине капитана Игумнова... Вы имеете право требовать вознаграждения... а также и за багаж, большая часть которого попорчена...

– О, что за пустяки... Не стоит об этом говорить, – возразил Жюльен де Кленэ. – Чемодан мой с деньгами и бумаги целы, а это главное.

– Во всяком случае вам в ваших санях ехать нельзя. Знаете что? Я вас довезу до Иркутска в своих. Они у меня просторные, рассчитанные на четырех человек!

– Мы будем вам очень благодарны, Николай Петрович; нам так еще лучше: вдвоем не скучно, а втроем еще веселее.

– Отлично, господа. Стало быть, в путь.

Жюльен де Кленэ и Жак Арно перед отъездом пошли проститься со старостой Михайловым, хлопотам которого они были обязаны скорым освобождением. Они искренне благодарили его, жали ему руку и кончили тем, что крепко обнялись с ним на прощанье. Старик прослезился и пожелал им счастливого пути. В свою очередь они пожелали ему скорейшего облегчения его участи.

Старик печально покачал головой и произнес:

– Только милость государя может изменить мою судьбу, а я этой милости не заслуживаю... Впрочем, за меня хлопочут...

– Не теряйте надежды, Сергей Иванович, не теряйте, – утешал его Жюльен. – Ваша же русская пословица говорит: на милость образца нет...

Отъезжающие сели в сани. Ямщик погнал тройку умеренной рысью, огибая острог. Проехав улицу города, путешественники опять очутились среди снежной равнины.

– Всем хороша езда на санях, – заметил Жак, – одно только плохо.

– А что? – спросил Добровольский.

– Да уж очень холодно... Бррр! Давно ли мы едем, а уж я начинаю смертельно зябнуть... Нет, Жюльен, как хочешь, а назад мы поедем летом. В тарантасе хоть и тряско, зато не так холодно.

– Как! – вскричал с удивлением чиновник особых поручений. – Вы и назад хотите ехать тою же дорогой?

– Да что же мне делать, когда я и пяти минут не могу пробыть на корабле? Уж в этом я неизлечим, а другого сухопутного пути ведь нет.

Глава VIII

Путевые заметки Жака. – Разочарование Жака насчет сибирских волков. – Сибирские Афины. – Золотопромышленники. – Ангара все еще не замерзла. – Близок локоток, да не укусишь. – Состязание Ангары с морозом. – Целиком. – Сальто-мортале в снег. – Бегство коренника. – Байкал зимой. – По льду. – Польшья. – Коренник проваливается под лед. – Шаманский утес. – Польшья внезапно замерзает. – В Иркутске. – Замечания Жака становятся язвительны. – Новый попутчик. – Воспоминание о Михайлове.

– Сознайся, голубчик Жак: ведь тебе начинает нравиться путешествие. Вот и господин Добровольский, наверное, то же думает.

– Совершенно верно, господин Арно, – сказал Добровольский. – Я вполне согласен с вашим товарищем. Вы положительно примирились с ездой – так, по крайней мере, мне кажется.

– Начинает нравиться?.. Вы оба слишком скоры на заключения. Вернее сказать: начинает заинтересовывать.

– Не придирайся к словам, Жак. Во всяком случае, ты ведешь какой-то дневник, который старательно прячешь. Сознаюсь, мне бы очень хотелось почитать, что ты там пишешь.

– Как? Ты подглядывал за мной?

– Я не делал этого специально, но ведь не слепой же я. Вижу, как ты всякий раз берешь карандаш и что-то царапаешь у себя в книге. Я убежден, что твои путевые заметки очень интересны.

– Не знаю, но во всяком случае они верно передают мои впечатления.

– А, сам сознался! Господин Добровольский, слышите: он сознался, что пишет путевые заметки.

– Ну вот и здравствуйте!.. Недостает только, чтобы вы оба пристали с просьбой дать их вам почитать.

– Разумеется, пристанем.

– Напрасно. Заметки отрывочные, писаны простым, необработанным, нелитературным языком...

– Все равно. Дело не в литературностях, а в твоих впечатлениях.

Жак, для формы, еще некоторое время отнекивался, но под конец, как водится, уступил, достал книжку и начал читать.

«27 ноября. Нас только что выпустили из-под ареста. Радость моя по этому поводу так велика, что я в ту же минуту забыл все неприятности, причиненные лишением свободы. Замечательно одно: с этих пор мой умственный кругозор вдруг словно расширился. Я начал замечать пропасть вещей, которые до сих пор ускользали от моего внимания. Я заметил, что мы едем лесом вековых берез, ветви которых, покрытые инеем, необыкновенно ярко выделяются на фоне синего неба. В общем картина чудная! До ближайшей деревни нас провожала огромная стая волков. Начитавшись о них разных ужасов, я ожидал отчаянной кровавой борьбы. Каково же было мое разочарование: ни господин Добровольский, ни наш ямщик, ни Жюльен не обратили ни малейшего внимания на свирепую стаю. Господин Добровольский объяснил мне, что волки бегут за нами потому, что по проторенному следу им передвигаться легче, чем по снегу, а нападать на нас они не собираются.

28 ноября. Ужасно не нравится мне внешний вид сибирских построек. Неуклюжие, неживописные, просто ужас что такое. Как могут жить люди в этих бревенчатых хибарках с тесовыми крышами! Езда в санях очень быстрая, спокойная и, право, очень приятная. Только нужно плотнее закутываться в шубу, а то замерзнешь. Какое странное чувство: ни качки, ни толчков, несешься, как по ровной скатерти; и все-таки у меня иногда является – как бы

это лучше выразиться? – какой-то привкус морской болезни... Что, если бы сказать это Жюльену!

29 ноября. Мы едем и день, и ночь. Я сплю в санях. Приятно проснуться и узнать, что во время сна проехали уже много, много верст. Мы переехали через реку Чулым, приток Оби. Этот „приток“ на самом деле длиннее и шире Рейна. Ехали, конечно, по льду. Станный звук производят копыта лошадей, ударяя по этой твердой массе. Жутко как-то становится. Я отмечаю этот факт для того, чтобы напомнить самому себе, что есть же люди, которые ездят по воде на кораблях и лодках. Немного не доезжая Красноярска, главного города Енисейской области, наши сани опрокинулись на дороге. Ямщик попался неловкий. Впрочем, для нас все обошлось совершенно благополучно, хотя сани были немного поломаны. Придется сделать остановку на день.

30 ноября. Нет худа без добра. Красноярск оказался премиленьким городком, в котором есть даже бомонд, красивые экипажи и ливрейные лакеи, совсем как в Париже. Дома деревянные, но не без комфорта. Есть общественный парк, расчищенный в березовом лесу. Должно быть, он имеет волшебный вид, когда в нем гуляет избранная публика, разодетая по последней моде. Нанесли визит губернскому начальнику. Прием был благосклонный. Он – статский генерал. Н. В.: в России есть статские генералы, как ни странно звучит этот термин для французского уха. Это чиновники, чин которых по табели о рангах соответствует генеральскому чину в военной службе. Еще одна особенность: жены чиновников и военных титулуются там сплошь и рядом по чину своих мужей: так, есть поручицы, капитанши, полковницы, всевозможных рангов советницы, генеральши и – всего удивительнее – даже губернаторши. Как перевести это последнее слово по-французски? Gouverneresse, по-моему, – иначе нельзя.

1 декабря. Чиновник особых поручений томского губернатора, господин Добровольский, замечательно милый господин; такие люди редкость».

– Кланяйтесь, Николай Петрович, – вставил Жюльен.

– Я ведь предупреждал, что мой дневник написан откровенно, – возразил Жак и продолжал читать:

«Кто-то прозвал Красноярск сибирскими Афинами. Город богатый, действительно, но что в нем от Афин – ума не приложу. Жители на афинян мало похожи. В основном, это золото-промышленники, по большей части разбогатевшие выскочки, щеголявшие безвкусовой и бестолковой роскошью. В обществе они несносны своим хвастовством, вечно говорят о своих миллионах, о ежедневных реках шампанского, о своих богатых домах... Мне показывали господина, который, жалея ехать по грязи в новом роскошном ландо, велел устлать коврами дорогу. Это по крайней мере оригинально...

Посетил местный рынок. Зрелище прелюбопытное. Все без исключения съестные припасы продаются в замороженном виде и могут сохраняться хоть до весны. Окорока, говяжьи туши, тетерки, рябчики – все заморожено и твердо, как камень; при отвешивании куски отпиливают пилой. Видел огромных рыб; замороженные, они напоминают бревна.

2 декабря. В десять часов вечера мы выезжаем. В городе тишина. „Афиняне“ пьют шампанское, танцуют кадрили, котильон; идет убогоприятная игра в карты. Впрочем, в городе не совсем тихо: периодически слышится постукивание ночных сторожей о доску.

От 2 до 8 декабря. Едем и день и ночь. Останавливаемся только для приема пищи и перемены лошадей. Мелькают села и деревни. Между прочим, по пути я видел два города, Канск и Нижне-Удинск, но они ничем не примечательны, особенно после „сибирских Афин“. Местность делается холмистой. Все чаще и чаще попадаются сосновые и еловые леса... О! Что за леса!... Все идет хорошо. Через несколько часов мы доедем до Иркутска».

– Все? – спросил Жюльен.

– Конечно.

– Молодец! Поздравляю тебя от души. Все у тебя описано кратко, но замечательно верно, а легкий юмор придает особенную прелесть твоему изложению.

Добровольский присоединил свой голос к похвалам, которые расточал приятелю Жюльен, но вместе с тем было видно, что он чем-то глубоко озабочен.

Жюльен заметил это и обратился к нему с вопросом:

– Уж не задели ли вас некоторые места в дневнике моего друга, Николай Петрович?

– О, вовсе нет... В дневнике описана правда... Но меня смущает неприятие вашим другом водного пути.

– А что?

– Как вам известно, мы подъезжаем к Иркутску, расположенному на противоположном берегу Ангары. Надо вам сказать, что эта река не похожа на другие: она, быть может, до сих пор не замерзла.

– Но ведь там же есть мост!

– Очень может быть, что теперь его снесло. Придется переезжать напароме.

– Ни за что! – энергично воскликнул Жак. – Я путешествую сухим путем. Воды я не признаю совсем. Я подожду, пока Ангара замерзнет, и объеду тем временем Байкальское озеро.

Вскоре показалась Ангара и на правом берегу ее город с многочисленными церквями.

Сани мчались правым берегом реки. Ямщик весело покрикивал на лошадей:

– Эй вы, разлюбезные!

По реке шел лед. Громадные, причудливых форм, глыбы его мчались по холодным синим волнам, сверкая, гремя и сталкиваясь между собой.

– Иркутск! – вскричал радостно Жюльен, любуясь городом.

– Ангара свободна ото льда! – печально констатировал Жак, глядя на лед.

– Мост снесло ледоходом! – с оттенком беспокойства заметил Добровольский.

– Ну, так что же? – возразил Жак. – Подождем в таком случае, когда она замерзнет.

– Из всех сибирских рек Ангара удивительно долго не замерзает. Иногда она остается незамерзшею всю зиму, несмотря на ужасные холода.

– Ах, черт возьми! Как же теперь быть?

– Нынешняя зима очень сурова, и я уверен, что река в конце концов замерзнет, но во всяком случае не ранее как через неделю.

– А почему, скажите пожалуйста, эта капризная красавица не подчиняется общему правилу?

– Из-за специфического рельефа местности Ангара вытекает из Байкальского озера, лежащего на высоте пятисот метров над уровнем моря.

– Недурно. Выше озера Титикаки.

– Вследствие этого течение реки необыкновенно стремительно, вот почему воды ее так упорно сопротивляются морозу. Замерзание начинается с нижних слоев и распространяется медленно. В конце концов мороз, конечно, побеждает, но лишь после долгой и упорной борьбы.

– Итак, обычной дорогой нам, я вижу, в Иркутск не попасть.

– Нет, отчего же, если дождаться победы мороза над упрямицею.

– Можно, наконец, доехать до Байкала и переехать на другой берег по льду озера. Как вы думаете, замерзло оно или нет?

– Я уверен, что замерзло.

– А далеко ли до него отсюда?

– Часа четыре езды на санях.

– Так не поспешить ли нам туда, господа, как вы думаете? – предложил Жюльен.

Сани повернули назад и поехали вверх по Ангаре к Байкальскому озеру.

Путники скоро заметили, что двигаются не по дороге, а по снежной целине. Пришлось положиться на опытность ямщика и инстинкт лошадей, увязавших в снегу по грудь. Сани поминутно колыхались, грозя опрокинуться.

По временам попадались крутые холмы, на которые лошади с трудом взбирались, таща за собою нырявшие по ухабам сани. Временами также ямщик требовал, чтобы путники вышли из саней, и один проезжал казавшееся ему слишком опасным место.

Таким образом путешественники с грехом пополам добрались до Байкальских гор, которые тянутся вдоль берега озера от севера к югу.

Вдали уже виднелось озеро, лежавшее неподвижным ледяным зеркалом.

К несчастью, ямщик вдруг зазевался. Лошади спускались под гору и, почувствовав облегчение, неожиданно понесли.

То была головокружительная скорость. Ямщик не в силах был сдерживать лошадей.

Грозил неизбежная катастрофа.

– Господа, – спокойно предупредил Добровольский, ничуть не теряя присутствия духа, – мы опрокинемся. Это неизбежно, неотвратимо. Можно только принять меры, чтобы сделать это с наименьшими потерями. Ни за что не цепляйтесь, не пытайтесь выскочить, сидите смирно. Снег мягкий, мы не ушибемся.

Только что он это успел сказать, как Жюльен и Жак почувствовали, что их бросает из стороны в сторону с невероятной силой.

Коренник упал. Сани описали круг и скатились в глубокую рытвину. Ямщик вверх ногами полетел с облучка в снег, успев только крикнуть:

– Господи Иисусе Христе!

Жюльен упал, свернувшись клубком, а Жак растянулся плашмя, носом в снег.

Добровольского швырнуло вперед вслед за ямщиком, и он перелетел через дугу упавшего на колени коренника.

Все трое живо поднялись на ноги, от души хохоча над своим приключением.

Ямщик, кряхтя, вылезал из своей рытвины.

Пристяжные стояли, понуря головы, и спокойно дожидались, что будет дальше. Коренник увяз глубоко в снегу, виднелась только его голова.

Сани скатились в яму, но не перевернулись. Ездоки вылетели из них от толчка.

Добровольский, Жюльен и Жак подошли к лошадям.

– Выпряжем пристяжных, – сказал Добровольский, – пристегнем их как-нибудь постромками позади саней и вытащим сани из ухаба задним ходом.

– Но ведь это будет очень тяжело лошадям.

– Ничего, вывезут.

С большими усилиями, с помощью подоспевшего ямщика, который, наконец, вылез из сугроба, лошадей перепрягли и заставили их вытаскать сани. Но этим временем выпряженный из оглоблей коренник, почувствовав себя свободным, вдруг пустился бежать прочь от места происшествия по направлению к озеру.

– Лошадь!.. Моя лошадь!.. – вскричал ямщик.

– Оставь ее; не бежать же за ней, – сказал Добровольский. – Мы и так замерзли. Запрягай парой и вези нас скорее.

– А как же лошадь-то, ваше благородие? – твердил ямщик.

– Говорят тебе, брось ее и запрягай парой.

Лошадей запрягли, выгребли из саней навалившийся в них снег, и продрогшие путники сели, кутаясь в шубы и полости.

На озеро сани въезжали как раз в минуту солнечного заката, когда дневное светило медленно садилось за снежные вершины гор, словно нарисованные на горизонте.

Лед на озере был не гладкий, а весь состоял из громадных, рассеянных группами, кристалльных глыб, алмазами искрившихся на солнце. Видно было, что и Байкал, как и его дочь Ангара, не вдруг уступил действию мороза, а долго боролся с ним, прежде чем дал себя сковать ледяными узами.

Французские путешественники и русский чиновник в восторге любовались величественною картиной замерзшего громадного бассейна пресной воды, как вдруг где-то вдалеке раздался оглушительный треск наподобие грома и далеко прокатился по ледяной пустыне.

– Что это такое? – не без тревоги спросили французы.

– Не бойтесь, – отвечал Добровольский. – Это где-нибудь на озере лопнул лед. Для вас это ровно ничего не значит, потому что для такой ледовой массы наши сани все равно что пушинка.

– Но разве не случается широких трещин?

– Случается. Но, во всяком случае, дорога по льду озера находится под надзором администрации, и об опасных трещинах всегда заранее дают знать. Их огораживают, чтобы около этого места не ездили. Будьте покойны, я велю ехать ямщику как можно осторожнее... Ну, что там еще случилось?

– Ваше благородие, извольте взглянуть.

– Что такое?

– Вон коренник-то наш бежит... Из-под копыт у него брызжет вода... Лед, стало быть, не крепок... Господи помилуй! Полынья!.. Проваливается коренник-то... Провалился!..

– Нет худа без добра, – заметил Добровольский. – Вместо него могли провалиться мы, не заметив полыньи, а теперь мы обнаружили ее и постараемся миновать. Я знаю это место. Тут неподалеку исток Ангара, которая и препятствует замерзанию озера. Больше уже не будет опасных мест. Однако мы едем быстро: вот уж и Шаманский утес. Через десять минут доберемся до берега. Выйдемте, господа, из саней и осмотрим полынью, в которую упал коренник.

– Что это за Шаманский утес? – спросил Жюльен, идя рядом с Добровольским.

– Это, видите ли, у шаманистов (вы, вероятно, знаете, что здешние инородцы – язычники и называются шаманистами по имени своих жрецов, шаманов) существует поверье, что на эту скалу шайтан или гений зла уносит души умерших людей. Если душа удержится на такой головокруговетельной высоте и не упадет в озеро, *то* верховное существо милует ее и берет к себе в рай; души же, упавшие в озеро, достаются шайтану.

Между тем путники дошли до того места, где исчез подо льдом коренник. Полыньи уже не было. Она успела опять затянуться льдом.

Французы бесконечно удивились.

– Вам это странно, господа, – сказал им Добровольский, – но это случается здесь сплошь да рядом. Полынья при таком морозе может замерзнуть в несколько минут.

Путники снова сели в сани. Пара лошадей понеслась по льду, который затрещал под санями; через десять минут путешественники выехали на берег, а еще через четверть часа уже были в Иркутске:

Два друга решили пробыть в столице Восточной Сибири ровно столько времени, сколько им надобно для приготовлений к дальнейшему путешествию.

Генерал-губернатор, уже уведомленный по телеграфу о случившемся, принял их чрезвычайно благосклонно и буквально обворожил своею любезностью.

О пребывании их в Иркутске читатель лучше всего узнает из дневника Жака; мы приведем оттуда некоторые выдержки.

«9 декабря. Иркутск. Город стоит на реке Ангаре. Населения 35 тысяч. Маловато для столицы края, размерами равного десяти Франциям. Местные жители мне порядком надоели своим гостеприимством. Все зовут нас к себе, буквально наперебой. В довершение беды, все так называемые „люди из общества“ говорят по-французски так, что нельзя даже сослаться на

незнание русского языка. Я устал и замечаю сам, что слог моего дневника становится очень язвительным.

Город еще богаче Красноярска. Много представительных домов, отделанных с безвкусною роскошью. Особенно надоедают купцы-миллионеры. Они гостеприимны, это правда, но их гостеприимство какое-то хвастливое, показное; видно желание пустить пыль в глаза, удивить, поразить своим богатством: „у нас-де счета нет деньгам, у нас-де их куры не клюют... Нам-де все доступно, хоть молоко птичье...“ И при этом постоянно повторяют: „Мы – что ж? Мы люди простые, не заграничные, мы дикари...“ Очевидно, что последняя фраза говорится с прямым расчетом услышать опровержение, комплимент. И поневоле опровергаешь, хотя в душе страх как хочется сказать: ну да, конечно, это совершенно верно, вы разбогатевшие дикари; порешим так и не будем больше поднимать этого вопроса...

Завтра вечером мы выезжаем в Якутск, до которого отсюда шестьсот миль. Кончатся эти бесконечные обеды и непрерывное полоскание желудка чаем. С нами едет новый попутчик, московский уроженец, торговец мехами. Он пробирается на ярмарку в Нижне-Колымск, в страну чукчей. Оттуда до Берингова пролива рукой подать. Генерал-губернатор, желая нас вознаградить, подарил нам новые дорожные сани, превосходные, покойные, и множество дорожных принадлежностей для путешествия по Сибири. Сердечное ему спасибо.

Мы с Жюльеном просили у него за Михайлова. Обещал сделать все, что может. Дай-то Бог. Я сильно надеюсь, потому что ходатайство генерал-губернатора должно непременно много значить...»

Глава IX

Отъезд в Якутск. – Долина Лены. – Восторг. – Северные пейзажи. – Замечательно образованный торговец. – Мамонт мистера Адамса. – Дорога в Якутск. – Сибирские холода. – Флора. – Фауна. – Минералы.

В полдень, 12 декабря, сани с французскими путешественниками и новым попутчиком выезжали из столицы Восточной Сибири по дороге в Якутск.

Генерал-губернатор, вознаграждая французов за безвинное заточение, проявил большую щедрость.

В этом случае он выказал себя большим барином и – что еще важнее – большим русским барином.

Провизии, чемоданов, матрацев, оружия, шуб – всего им было дано вдоволь и даже более чем вдоволь.

За санями, еще более просторными, чем прежние сани Жюльена, ехали другие, принадлежавшие купцу-попутчику и нагруженные предметами для меновой торговли с чукчами на берегах Колымы.

– Наконец-то! – воскликнул Жак, испуская вздох облегчения. – Вот мы и выехали. Честное слово, я начинал терять голову. Не приведи Бог, как меня замучили эти обеды, балы и вечеринки!

– Ну, а сознайся, что город все-таки веселый.

– Очень веселый, только я все-таки слишком устал от него...

Случайный попутчик наших французов был высокий, здоровый москвич, лет тридцати от роду, белокурый, с окладистой пушистой бородою, добродушным, симпатичным лицом и умными, живыми голубыми глазами.

И что еще замечательнее – он совершенно правильно говорил по-французски.

Вы не верите, читатель? Сибиряк, торговец мехами, и вдруг – французский язык?!

Дело в том, что Федор Иванович Лопатин – так звали молодого купца – во-первых, родом был не из Сибири, а из Москвы, во-вторых, кончил курс в Коммерческой академии; и в-третьих, живя в Париже в качестве представителя одной московской фирмы, усовершенствовал свой французский и даже посещал известные коммерческие курсы Тюрго. Таким образом, из него вышел замечательно образованный человек – для купца, конечно.

Самым важным затруднением для наших друзей во время их путешествия было незнание ими русского языка. Правда, Жюльен мог связать несколько фраз и умел называть знакомых русских, как это принято в России, по имени и отчеству, но этого было все-таки очень мало. Что касается Жака, то он даже и этого не знал, остановившись на двух-трех заученных коротеньких фразах вроде «пашоль» и «на водку».

Вследствие этого у них часто выходили комические недоразумения с ямщиками, смотрителями станций и пр.

Теперь, благодаря новому попутчику, это затруднение было устранено. Он отлично знал местные порядки, как человек бывалый, и успешно ругался на станциях при перемене лошадей, так что путешественников перестали задерживать, как прежде, и они быстро продвигались вперед.

А надо сказать, что остановки на станциях были для наших французов как нож в сердце. Сибиряк любит тепло в доме, и в станционных избах Жюльен и Жак просто не знали, куда деваться от жары. Пот всякий раз лил с них градом, они изнемогали от духоты, с трудом переводя дыхание.

Теперь они быстро и благополучно проехали двести верст, отделяющих Иркутск от того места, где большая якутская дорога достигает берега Лены и зимою проходит по льду этой реки.

В тридцати пяти верстах от города Верхоленска Лопатин указал своим спутникам направо на ряд холмов, покрытых снегом.

– Долина Лены, господа, – объяснил он.

– Лена! – с волнением в голосе отозвался Жюльен. – Как! Эта гигантская река, соперница другого гиганта – Енисея! Неужели так скоро?.. Я слышал: перед ней самые большие европейские реки – просто ручейки. Как жаль, что теперь зима и мы не увидим Лену во всей ее многоводной красе.

– Я слышал, – вставил от себя Жак Арно, – что она, подобно Ангаре, тоже вытекает из Байкальского озера. Может быть, я ошибаюсь?

– Так действительно многие думают, – возразил Лопатин, – но только это мнение ошибочно. Лена берет начало вовсе не в Байкале, а недалеко от него. Истоки ее отделяются от озера лишь небольшой грядой утесов. Это и дало повод сибирякам утверждать, что их великая река вытекает из пресноводного озера-моря.

– Да, река великая, это вы правду сказали, – согласился Жак.

– Длина ее равняется пяти тысячам верст; она впадает огромною дельтой в Ледовитый океан.

– И в эту дельту до сих пор никто, кажется, ни разу не мог проникнуть, – сказал Жюльен.

– Вы ошибаетесь, – возразил Лопатин. – Несколько лет назад, как-то в июне, во время половодья, в дельту входил пароход «Лена» под командой норвежца Иогансена и прошел вверх по реке до самого Якутска.

– Но ведь это замечательное путешествие.

– Да, действительно... Вы сейчас пожалели, что теперь не лето. Вы совершенно правы. Тогда вы увидели бы чудную картину. Лена в этом месте имеет уже пятьсот метров ширины и двадцать два – глубины. Она величественно течет, омывая зубчатые утесы наподобие громадных башен; крутые берега поросли вечнозелеными соснами и елями... Дальше с нею сливается многоводный приток Олекма, увеличивая ее мощность...

Лопатин вдруг замолчал, как бы смутившись своей велеречивости. Он, действительно, пришел в восторженное состояние. Щеки у него покраснелись, глаза горели. Жюльен и Жак подумали про себя: «Какой замечательно образованный господин, это так не характерно для купца, да вдобавок еще для торговца мехами».

Чтобы дать поскорее пройти смущению своего попутчика, Жюльен поспешил поддерживать разговор, призвав на помощь весь запас своих географических сведений.

– И странная вместе с тем река, – сказал он. – Течет по руслу вечного льда; не омывает почвы, а скорее скользит по промерзлой на сто метров в глубину земле; острова ее дельты служат, если не ошибаюсь, кладбищем громадных животных, ныне совершенно исчезнувших с лица земли. Ведь здесь, кажется, какой-то казак открыл в семидесятых годах прошлого столетия остров, весь усеянный костями и слоновыми клыками?

– Да, правда ли, что здесь находят мамонтов? – заинтересовался разговором Жак.

– Правда, – отвечал Жюльен. – Кстати, ты мне напомнил одну вещь. Кажется, в 1734 году некто Гмелин, исследуя Сибирь по поручению русского правительства, первым открыл здесь ископаемые останки. В 1768 и 1777 годах их исследовал натуралист Паллас и признал, что они принадлежат слонам, гиппопотамам и носорогам. В своем донесении он упоминает о почти невероятном факте нахождения сохранившегося носорога, у которого были целы и кожа, и мясо, и сухожилия. А знаешь ли ты историю мамонта нашего знаменитого Кювье?

– Не припомню что-то. Ты мне сделаешь большое одолжение, если расскажешь ее. Ведь это в самом деле замечательно, что мы ступаем по земле, усеянной подобными реликвиями.

– Это было в 1799 году. Один рыболов-тунгус заметил на берегу Ледовитого моря, возле устья Лены, среди льда, какую-то громадную глыбу неизвестного происхождения. На следующий год эта глыба оттаяла, но не настолько, чтобы можно было понять – что это. На третье

лето из массы льда выделился наконец целый бок животного и огромный бивень. И лишь на пятый год неведомая туша окончательно была выброшена ледоходом на песчаную отмель. В марте 1804 года рыбак отпилил бивни и продал их за пятьдесят рублей. Спустя два года член Петербургской Академии наук, господин Адамс, отправился в эти места и нашел животное уже сильно изуродованным. Окрестные якуты изрубили мясо на корм собакам. Внесли свою лепту и дикие звери. Скелет, впрочем, был весь цел за исключением одной передней конечности. Сохранились также следы кожи и левое ухо с клочками волос на нем. Мозг в черепе не сгнил, а ссохся. Остаток кожи был настолько тяжел, что его насилу могли поднять десять человек. Это был мамонт, самец, с бивнями более трех метров длины. Академик Адамс тщательно собрал останки допотопного зверя, выкупил бивни и отвез все это в Петербургскую Академию.

– Да, все это удивительно. И знаешь, теперь я до такой степени всем заинтересовался, что ни за что не соглашусь прервать путешествие, даже если встретятся непреодолимейшие препятствия.

Следующие затем дни потянулись однообразно. Путешественники по-прежнему летели вперед без задержек, благодаря особенной подорожной, выданной генерал-губернатором, и опытности Лопатина, который всегда умел вовремя настоять на быстрой перемене лошадей.

Сани мчались по льду спящей красавицы Лены, просыпающейся только один раз в году, в июне месяце.

14 декабря путешественники проехали Шигалово и Усть-Ольгинск, остановившись для завтрака в Шамановске. 16 декабря утром они достигли Киренска, где Лена принимает приток Киренгу, и в четыре часа прибыли в Петропавловск, который не следует смешивать с главным городом Камчатки.

Лопатин заметил своим попутчикам, что возле Киренска Лена сближается с Нижней Тунгуской, одним из главнейших притоков Енисея, отделяясь от него лишь небольшою грядою холмов.

Через сутки они были уже в Витимске, стоящем при впадении в Лену Витима, одного из важнейших ее правых притоков. Из других притоков правой стороны замечательны еще Олекма и Алдан.

19 числа путники проехали через Нохтуйск, стоящий на 60-й северной параллели, и 20-го прибыли в Олекминск, расположенный при впадении Олекмы в Лену.

По мере движения на северо-восток холод становился все нестерпимее. Оставалось два дня пути до Якутска, лежащего в самом холодном на свете крае.

Кругом стояла какая-то гнетущая, томительная тишина, нарушаемая лишь изредка треском лопнувшего льда.

Вся природа казалась погруженной в летаргический сон: спали мхи и травы, одетые плотным покровом льда и снега, спали звери в берлогах, спали реки, скованные льдом, спала, наконец, земля, покрытая белым пушистым ковром.

Резкий контраст этой мертвой тишине – лишь яркие звезды в ночном небе. Голубой, прозрачный воздух днем позволял видеть встающее и садящееся солнце во всей чистоте контуров блестящего диска, без того розоватого ореола, к которому привыкли жители других стран.

Дни становились все короче. Солнце всходило как-то разом, без зорь и без тумана.

Холод был такой, что нельзя ни на секунду выставить нос на воздух без риска отморозить его. Температура была ниже той, при которой замерзает ртуть.

Можно подумать, что при таком ужасном климате эта часть Сибири совершенно лишена растительности. Но это не так. Растительность здесь есть и даже весьма замечательная.

Во-первых, здесь встречаются все же хвойные породы деревьев, что и в Европе, за исключением красивой пихты, прекрасного гладкоствольного дерева, достигающего иногда тридцати метров высоты. Это дерево уж чисто сибирское. Затем отметим еще голубовато-зеленую бла-

городную ель, из которой остяки строят лодки, лиственницу, ель лесную, ель ползучую, сибирский кедр *pinus sembra*. В долинах растут липа, клен, ольха, тополь, береза, осина и черемуха.

Береза – это едва ли не самое любимое дерево русских. Много народных песен посвящено «кудрявой березоньке».

Это дерево замечательно в одном отношении: оно нередко вырастает на месте хвойных лесов, срубленных или сожженных. Китайцы видят в этом предзнаменование того, что со временем над всей Азией распространится власть Белого Царя. Существует легенда; что березы прежде не было в этой части Сибири и что белое дерево, как здесь ее зовут инородцы, появилось лишь перед приходом русских.

Если это верно, то совпадение действительно замечательное.

Сибирская флора богата разнообразными видами ягод, служащих пищею людям и животным: шиповник, дикая вишня, красная смородина, черника, ежевика, поляника, морошка, клюква, дикая малина. Ядовитых растений удивительно мало, и кроме того, они на севере теряют эти свойства: так, например, растения, ядовитые у верховьев Енисея, в полярной стране употребляются туземцами в пищу без малейшего вреда для здоровья.

Фауна тоже весьма разнообразна. Вот ее главнейшие представители: медведь, волк, рысь, черно-бурая и рыжая лисица, дикий баран, или аргали, соболь, заяц, выдра, лось, дикий олень, косуля, лань, кабан, белка, летучая мышь, крыса, сурок и другие. Из птиц чаще других встречаются белый аист, лебедь, утка, нырок, гусь, журавль, тетерев, белая куропатка, бекас, кулик.

А минеральные богатства этой, как считается, Богом обездоленной страны! Они громадны. В Сибири добывают восьмую долю всего золота мира, там огромная масса платины, серебра, свинца, олова, меди, железа, ртути, цинка.

Всего невозможно перечислить, иначе сухой перечень слишком утомит читателя, но я все-таки, хоть и наскоро, упомяну о топазах, аметистах, сапфирах, изумрудах, опалах, бирюзе, гранатах, аквамаринах, не говоря уже о малахитах, агатах, порфирах, корналинах, лапис-лазури, яшме и многих других камнях, имевших такой успех на парижской всемирной выставке.

Не забудем также громадные залежи каменного угля.

Вообще Сибирь – это непочатый край всевозможных богатств, ожидающих только правильной разработки...

Глава X

Якутск. – Две дороги на Нижне-Колымск. – Географический закон, открытый современными учеными. – Берег высокий и берег низкий. – Якут-проводник. – «Железные люди». – В бездну. – После катастрофы. – Замерзли, утонули! – Героизм Лопатина. – Оттирание пострадавших. – Сибирское погребение. – Что теперь делать? – Бескорыстие.

Два дня пути до Якутска прошли для путников незаметно и без всяких приключений. Та же белая, ровная дорога, те же душные станционные избы, та же перебранка ямщиков во время остановок для перемены лошадей, те же жалкие уездные города из нескольких десятков деревянных домов... Но вот и Якутск.

Подъезжая к главному городу округа, по пространству равному пяти Франциям, Жак отказался верить своим глазам.

Это был тот же Олекминск или Нохтуйск, только немного больших размеров, те же неприглядные дома с тесовыми крышами, те же бревенчатые стены, те же деревянные заборы, занесенные снегом.

– Неужели это город?.. – вскричал Жак.

– Да, голубчик, город, – отвечал Жюльен, – и, по-моему, так даже очень значительный по здешним местам. Ты только вообрази, какой здесь климат, какая почва и как здесь трудно человеку бороться за свое существование.

– А между тем географическое его положение отличное, – вмешался Лопатин. – Он стоит при слиянии двух рек и представляет собою важный центр торговли мехами.

– Но зато уж и холод какой!.. Сколько там жителей?

– Постоянных жителей около шести тысяч.

– Шесть тысяч! Не может быть.

– Уверяю вас. И это не считая охотников, лодочников и купцов, которые бывают наездами. Впрочем, зато я считаю чиновников, солдат и ссыльных. Без них цифра постоянных жителей была бы гораздо ниже.

– О, я вполне понимаю, что только крайность может заставить жить здесь долго. Ведь только подумать: на вершине Монблана средняя температура такая же, как здесь. Солнце только взойдет – и сейчас же готово закатиться... Надеюсь, мы в городе не долго пробудем.

– Нет, – успокоил друга Жюльен, – только запишем подорожные и представимся областному начальнику, к которому у нас есть рекомендательное письмо от иркутского генерал-губернатора.

Областной начальник принял путешественников очень любезно, оставил их обедать и одобрил их намерение ехать из Якутска на северо-восток.

При этом он высказал мысль, показавшуюся дикой неопытным французам, что дальше к северу будет не так холодно.

Лишь полсуток прошло, как путешественники приехали в город, а они уже снова в станционном доме со слюдяными стеклами и с грязными просиженными диванами вместо мебели обдумывали маршрут.

– Отсюда на Нижне-Колымск есть две дороги, – говорил Лопатин. – Одна дорога – сейчас на восток, через Верхоянские горы и прямо к Колыме, вдоль которой путь идет вплоть до самого устья. Вторая дорога отсюда на север, пересекает реку Алдан, потом Верхоянские горы и доходит до города Верхоянска. От него она слегка поворачивает на юго-восток к Зашиверску на реке Индигирке и уже оттуда прямо – на восток в Верхне-Колымску, где обе названные дороги сходятся и ведут вместе к устью Колымы. Как вы думаете, господа, какой маршрут выбрать?

– Мне, по правде сказать, совершенно все равно, – отвечал Жак. – А тебе, Жюльен?

– Я вполне полагаюсь на господина Лопатина. Пускай выбирает он.

– Помните, господа, что выбор дороги – событие очень важное.
– Будут ли у нас перемены лошадей, по какой бы дороге мы ни поехали?
– Надеюсь. Наконец, в крайнем случае, можно будет нанять нарту, запряженную собаками или оленями.
– Кстати, по какой дороге водят каторжников?
– По северной.
– Ну, так мы поедem по восточной. Так будет лучше.
– По восточной – так по восточной. Едемте, значит.
Переправа через Лену совершилась возле самого Якутска по твердому льду, покрытому санными следами.

При свете белой северной ночи, во время которой бывает обыкновенно светло, как днем, Жюльен проверил феномен, признаваемый всеми современными географами.

Этот феномен заключается в стремлении текущей воды перемещаться направо и обусловливается вращением земли. Он особенно нагляден в Сибири, неподалеку от полюса.

У огромных сибирских рек, текущих с юга на север, восточные берега, подвергающиеся постоянному напору воды, непрерывно подтачиваются волнами, тогда как западные этому действию не подвержены.

Отсюда и различие внешнего вида берегов. Левый берег сибирской реки всегда низок и едва-едва возвышается над уровнем воды, тогда как правый обыкновенно крут и обрывист.

Это явление до того распространено, что сибиряки никогда не говорят «правый» или «левый» берег, а всегда – «высокий» и «низкий».

В Сибири, как и в России, жители при постройке городов прежде всего старались обезопасить себя от разлива во время весеннего половодья. Поэтому все города их построены преимущественно на правом, нагорном берегу, как недоступном наводнению. Но за это преимущество жителям приходится иногда дорого расплачиваться. Высокий берег хотя и не заливается никогда, но зато постоянно подмывается водой, вследствие чего происходят нередко большие обвалы, разрушающие строения.

Таким образом, приходится чуть не ежегодно производить частичные перестройки даже в таких сравнительно новых городах, как Семипалатинск и Тобольск.

Точно такова была конфигурация берегов Лены возле Якутска, на чем и остановил свое внимание географ-любитель Жюльен.

Благополучно прибыв на первую станцию за Якутском, путники напились чаю с ромом, так как успели изыбнуть до смерти, и, переменяв лошадей, отправились дальше.

Станционный смотритель позаботился дать им проводника-якута, в обязанности которого входило ехать впереди и осматривать дорогу.

Эта мера предосторожности была необходима особенно ввиду переправы через Алдан, на льду которого сплошь да рядом образуются неожиданные полыньи.

Якут был плечистый, здоровый парень, истинный представитель племени, прозванного за свою необыкновенную выносливость «железными людьми».

Благодаря опытности и зоркости проводника, переправа через Алдан по льду совершилась благополучно. Проскакав сутки верхом на лошади, якут несколько не казался утомленным. Холод тоже совершенно на него не действовал. Такова сила привычки от рождения.

Проводив путешественников до другого берега Алдана, якут собрался было возвратиться назад, но Жюльен, которому тот очень понравился, предложил ему проехать с ними до Верхоянских гор. Якут согласился, чуя хорошее вознаграждение на водку.

Дорога пошла по льду небольшого правого притока Алдана, речки Шандуги, берущей начало в Верхоянских горах. Уже якут объявил, что видит вдали эти самые горы.

Как ни напрягал Жюльен зрение, он ничего не мог рассмотреть и заключил, что якут фантазирует, о чем и сообщил Лопатину.

– Напрасно вы так думаете, – возразил ему Лопатин. – Очень возможно, что мы с вами еще не видим гор, а он видит. У этого племени замечательно развито зрение. Существует анекдот об одном путешественнике, которому якут поведал великую тайну: «Я видел, – сказал якут, – как большая голубая звезда проглотила несколько маленьких и потом сейчас же выплюнула их». ... Как бы вы думали, что же такое видел якут? Ни более ни менее как затмение спутников Юпитера. ... И это невооруженным глазом, не забудьте. Так вот и извольте судить об остроте зрения у этого народа.

– Ладно, ладно, – сказал ворчливо Жюльен. – Пусть же вот он теперь смотрит хорошенько.

И точно Жюльен напроорочил: под санями вдруг что-то треснуло, и твердая почва словно куда-то уплыла. ... Лошади вскочили на дыбы и жалобно заржали. ...

Слой льда, на котором находились сани, опустился вниз, и весь поезд, с лошадьми и пассажирами вместе, исчез в разверзшейся бездне.

Льдина опустилась быстро, точно трап; сани полетели вниз по совершенно вертикальной линии.

Проводник-якут провалился вместе с лошадыю.

Ямщику передних саней, нагруженных товарами Лопатина, рассекло голову осколком льда.

Французы и Лопатин, как были в шубах, погрузились в ледяную воду.

Спасти их могло только чудо.

Прошло несколько секунд.

Вдруг вода в провалившемся месте всплеснула, и из нее вынырнула чья-то голова. Кто-то быстро плыл, сильно работая руками. Это был Федор Лопатин. Не обращая внимания на волны, произведенные барахтающимися утопающими лошадьми, он ухватился одной рукой за плавшую по воде дугу, а другой торопливо стащил с себя обледеневшую шубу.

Глубоко переводя дух, он снова погрузился в воду, нырнув на этот раз уже нарочно.

Булькнула вода. ... Храбрый, самоотверженный спаситель появился на поверхности, таща за собой Жюльена, уже не подававшего признаков жизни.

Отыскав местечко на твердом льду, чтобы положить выловленное тело француза, Лопатин, недолго думая, снова нырнул в полынью.

Но он не нашел тела Жака и вынырнул ни с чем.

Отдышавшись, перекрестился и в третий раз бросился в воду.

На этот раз он нащупал Жака, но уже не имел силы вытащить его. ...

– Помогите! Помогите!.. – крикнул он в отчаянии.

– Сейчас, батюшка, сейчас! – ответил ему сверху голос ямщика.

Лопатин поднял голову. Ямщик, которому тоже посчастливилось спастись, стоял на краю полыни. Развязав и сняв с себя длинный шерстяной кушак, он опустил его в полынью. Держа на плечах Жака, Лопатин ухватился за кушак и крикнул ямщику:

– Тащи!

Силач-сибиряк без малейшего труда вытащил обоих – и спасенного, и спасителя – и только крикнул, когда эти два обледеленных кокона очутились на твердом льду.

Лопатин еще раз заглянул в пропасть. Боже мой, что там было!

Сани, лошади, багаж – все перепуталось и смешалось в бесформенную массу; ямщик с лопатинских саней был мертв; тело его лежало на плавшем изломанном кузове саней, все избитое и окровавленное. ... Из глубины доносился голос якута, молившего о помощи. Он еще не утонул, держался за что-то, но уже выбивался из сил.

Якуту тоже бросили кушак и вытащили из полыни.

Жака и Жюльена раздели и стали оттирать. Долго возились с ними, но все старания были безуспешны. Наконец ямщик вырубил топором ступени у ледяного обрыва, спустился вместе

с проводником вниз, и они вдвоем общими усилиями вытащили обломки саней на твердую землю. Разведя из этих обломков костер, они выловили затем из воды несколько ящиков и чемоданов, достали из них запасные шубы и между прочим несколько бутылок водки; этой водкой они принялись натирать Жака и Жюльена. Здоровяк якут выказал при этом такое усердие, что у Жюльена спина оказалась вся в ссадинах.

Наконец французы открыли глаза.

– Где я? – спросил Жюльен.

И, не дожидаясь ответа, так как ему самому сразу вспомнилось происшедшее, прибавил тревожно:

– А Жак?

Но Жак тоже успел уже прийти в чувство, согретый растираниями и пламенем ярко горевшего костра.

– А где другие? – продолжал Жюльен.

– Все живы, кроме моего ямщика, – отвечал Лопатин.

– Так это мы вам обязаны жизнью!.. – сказал Жюльен, слабым движением протягивая руку своему самоотверженному попутчику. – Вы нас спасли. Благодарю вас. Я никогда этого не забуду.

– И я тоже! – заявил Жак, тоже протягивая руку Лопатину. – Спасибо, добрый, великодушный друг!

Ямщик и якут снова спустились в полынь и выловили тело умершего товарища. Вырыв топором яму в снегу, они серьезно и торжественно опустили в нее убитого, засыпали ее, заровняли и набожно перекрестились, шепча:

– Царство ему небесное!..

Между тем в одном из выловленных ящиков оказался дорожный самовар со всеми принадлежностями для чая. Ямщик вскипятил воду, и прозябшие путники уселись вокруг костра подкрепить свои силы тем, что нашлось под руками. Нашлось, конечно, немного, потому что большая часть поклажи утонула в воде, но в теперешнем своем положении бедные путники и этому были рады.

– Что же теперь мы будем делать, господа? – спросил Лопатин, первый нарушая тягостное молчание.

Жак молчал. Жюльен подумал немного и ответил:

– Я скажу вам, как давеча, в Якутске: на ваше усмотрение. Мы вполне полагаемся на вас.

– По-моему, нужно сделать вот что: отправить якута и ямщика с нашими подорожными на следующую станцию, сообщить о катастрофе и потребовать, чтобы нам сюда прислали лошадей. Если лошадей не окажется, что очень возможно ввиду того, что станции здесь глухие, то наш якут может нанять в каком-нибудь поселке две-три упряжки оленей или собак с нартами и явиться с ними к нам сюда. Мы его здесь как-нибудь дождемся, авось не замерзнем до его возвращения. В окрестностях лесов много, топоры у нас есть, поэтому о топливе для костра беспокоиться нечего. Кое-что из провизии нам удалось спасти, на некоторое время хватит... Ну, а уж насчет саней нечего и говорить: они, конечно, погибли и останутся на дне полыньи. Во всяком случае роптать на судьбу мы не имеем права: все могло кончиться во сто раз хуже.

– А шкатулка с бумагами и деньгами? – вспомнил Жюльен. – Цела ли она-то, по крайней мере?

– Цела, – отвечал Лопатин, – вот она: ямщик ее вытащил.

– Федор Иванович, как же ваши-то вещи? – спросил Жак. – Ведь ваши сани погибли со всем, что в них было?

– Да.

– Для вас это, конечно, большой убыток.

– Большой. Почти все, что я имел...

– Послушайте, – вмешался Жюльен, – ведь это случилось из-за нас. Позвольте нам вознаградить вас...

– Оставьте, пожалуйста... Какое там из-за вас! Со мной, как и с вами, случилось несчастье, мы все одинаково пострадали.

– Но ведь у вас ничего теперь не осталось. Вам теперь отпала надобность ехать туда, куда вы хотели: у вас нет товаров для обмена.

– Не бойтесь, я не совсем еще нищий. А до Колымска я могу доехать с вами; ведь вы меня, конечно, довезете?

– О, с удовольствием...

– Ну вот и отлично. А там я, может быть, с вами и дальше поеду... в Бразилию вас провожу...

– Вы? Нас? В Бразилию?

– Да. Что же тут удивительного? На то я русский купец. Взбредет на ум – уеду ни с того ни с сего хоть на край света.

– Нам это будет очень приятно. Но только вы все шутите. Зачем вам в Бразилию?

– Да ни зачем, так. Путешествовать.

– Какой же вы купец после этого?

– Право же, купец, уверяю вас, только русский...

– Значит – решено? Вы едете с нами?

– Почти решено, если вдруг не передумаю.

Глава XI

Десять дней в снеговой пустыне. – Метель. – Якутская колдунья. – Возвращение проводника. – Нарты с сибирскими собаками. – По снежной равнине. – Переезд через Верхоянские горы. – На высоте оказывается не так холодно, как в долине.

Десять дней прошло со времени катастрофы. Наши путешественники жили все это время среди снеговой пустыни, питаясь остатками спасенной провизии, согреваясь дровами, за которыми сами ходили в соседний лес, и укрываясь от непогоды в углублении, вроде пещеры, устроенном самой природой в крутом обрывистом берегу реки, неподалеку от того места, где произошло крушение.

Проводник все не возвращался, точно в воду канул. Друзья начинали уже не на шутку беспокоиться. Что с ним? Неужели случилось несчастье или что-нибудь серьезное его задержало? А вдруг – страшно подумать – он изменил, оказался предателем?

Жюльен и Жак склонны были поверить в последнее, но Лопатин предполагал скорее первое. У французов не было никаких данных для подтверждения своих опасений, тогда как у Лопатина, напротив, имелись очень веские доводы в пользу первого предположения.

Действительно, в ту ночь, когда ямщик и якут отправились за лошадьми в ближайший поселок, погода вдруг резко переменялась. В несколько минут все небо почернело от туч, и на землю обрушился снежный ураган.

В течение следующих полусуток свирепствовала страшнейшая метель. Все это время по снежной равнине носились вихревые потоки снега и совершенно занесли природный ледяной дом наших друзей. Ветер уныло завывал, нагоняя на них вместе с холодом невыносимую душевную тоску.

Когда метель улеглась, друзья с трудом проложили себе выход из пещеры среди нанесенных сугробов и поспешили возобновить на всякий случай запас дров для костра, который они постоянно поддерживали в своем жилище.

Тянулись томительные, нескончаемые дни и ночи, в течение которых путешественники наши находились в постоянном напряжении от ожидания, скоро ли кончится их бедственное житье среди снега и льда в обледенелой береговой впадине замерзшей реки.

К счастью, у них все-таки оказалось достаточно съестных припасов и, сверх того, эти припасы были довольно разнообразны. Так, у них был чай, сахар, белый хлеб – правда, мерзлый, разные консервы, водка, ром, коньяк и даже несколько свечей, которые пришлось весьма кстати в продолжительные зимние ночи.

При бережном расходовании этих запасов можно было втроем просуществовать безбедно в течение довольно значительного периода времени.

Лопатин вполне терпеливо переносил это вынужденное сидение в ледяной пустыне, но для французов оно было невыносимо, и они просто не знали, куда деваться от скуки.

– Но ведь это просто невозможно! – восклицал то и дело Жюльен. – Этак с ума можно сойти!..

– Потерпите, потерпите, – уговаривал его хладнокровный Лопатин. – Все устроится.

Жак ничего не говорил; он только сопел, вздыхал и угрюмо посматривал на друга, завезшего его в такую снежную даль.

От нечего делать путешественники занялись вылавливанием из полыньи кое-каких вещей; впрочем, занятие это не увенчалось большим успехом: удалось добыть лишь небольшой чемодан с платьем.

Лопатин взялся высушить платье, и тут французам представился случай подивиться способу, которым это было совершено.

Он не развесил мокрые вещи перед огнем, а, напротив, удалил их подальше от костра, вырыл яму в снегу, положил туда вещи и засыпал снегом.

– Что вы делаете? – воскликнул Жюльен.

– А вот увидите, – спокойно отвечал торговец. – В снегу вымерзнет вся влага из платья; если бы я развесил мокрые вещи перед костром, то они не просохли бы целую неделю; несколько дней с них капала бы вода. Теперь же я вам ручаюсь, что через несколько часов все будет совершенно сухо.

И действительно, на другой день все вещи оказались сухими, точно их выгладили утюгом; это развлекло французов, но ненадолго. Скоро к ним вернулась прежняя хандра.

– Так как же, господин Лопатин, – говорил Жак, – неужели вы и теперь станете утверждать, что якут нам не изменил? Неужели в вас до сих пор не поколебалась вера в якутскую честность?

– А ямщик, наконец? – поддерживал друга Жюльен. – Ведь тому нужно было только дойти до первой почтовой станции и заявить, чтобы нам выслали лошадей. Что же он-то не возвращается?

– То, что ямщик не возвращается, это объяснимо. Он человек подначальный. На станции могло не оказаться лошадей – что он станет делать? Наконец, ведь и между станционными смотрителями тоже попадаетея сплошь и рядом такая дрянь... Покажи им подорожную да прикрикни на них хорошенько – все сейчас сделают, а нет – ничего от них не добьешься.

– Но ведь ямщик должен был сказать смотрителю...

– Станет смотритель его слушать!.. «Пошел вон», – и весь разговор... Конечно, я не утверждаю, что в данном случае произошло непременно так, но, во всяком случае, это весьма вероятно, я сибирские-то порядки знаю. Да, наконец, он просто мог и не дойти до станции...

– Ну, а якут? Ведь уж и ему пора бы возвратиться?

– Я уверен, что он явится. Если он запоздал, то, значит, были серьезные причины.

– Не случилось ли с ним чего-нибудь во время последней метели?

– С якутом-то? Нет, я этого даже и не думаю. Что якуту метель. Он с ней сроднился и знает, как с нею обращаться.

– Ох, хотелось бы и мне разделять вашу уверенность, да не верится.

– Напрасно. Я знаю людей. Наш якут – честнейший малый. Да, наконец, якуты высоко ставят долг благодарности. Они соблюдают его свято. На этот счет у них даже своя легенда есть...

– Легенда?.. Расскажите, пожалуйста. Кстати, это поможет нам убить время...

– Извольте. Давным-давно, лет сто тому назад, а может быть, и больше, жила-была древняя старуха-якутка. Ее считали колдуньей; кого любила она, тех называли счастливыми, а кого ненавидела, на тех, рано или поздно, непременно обрушивались всякие беды. Слово ее было для соплеменников словом оракула. Когда она уж очень состарилась, то удалилась в отдельную лачужку. Мимо нее никто не проходил, не испросив себе благословения у колдуньи и не принеся ей какой-нибудь лепты по своему достатку. Кто забывал оказать ей почтение, тому она страшно мстила. Превратившись в черного ворона, она вздымала против оскорбителя вихри и метели, потопляла в реке лодку с его добром или отнимала у него разум. Теперь колдунья уже умерла, но якуты до сих пор приносят разные дары на то место, где она жила. Предание добавляет, что колдунья жила на земле сто лет, что она была очень толста, рябовата и имела глаза блестящие, как звезды... Колдуньей же она сделалась вот почему. Однажды, будучи еще не старой женщиной, она дала у себя в хижине приют постучавшемуся ночью страннику, напоила его, накормила, – одним словом, пригрела. Проснувшись утром, она убедилась, что гость отплатил самой гнусной неблагодарностью: он ограбил ее хижину, зарезал ее единственного сына (она была вдова) и скрылся. Чтобы отомстить убийце, она вступила в союз с шайтаном, сделалась колдуньей и с тех пор преследует неблагодарных, кто бы они ни были и в чем бы их

неблагодарность ни проявлялась. Нашего якута мы спасли от смерти, помогли ему выбраться из полыньи. Он никогда этого не забудет и непременно постарается выручить нас из беды в свою очередь... Да вот... чу!.. Слышите, кто-то кричит?

Действительно, в это время кто-то окликнул путешественников. Голос раздавался где-то поблизости.

– Эй! Якут!.. Это ты, что ли? – отозвался Лопатин.

– Я, барин, – ответил хорошо знакомый нашим путешественникам голос.

С этими словами якут появился у входа в ледяную пещеру, весь покрытый инеем.

Его приветствовали крепкими рукопожатиями, посадили к огню и угостили горячим чаем. Наскоро напившись любимого российского напитка, якут предложил путешественникам ехать как можно скорее.

– А у тебя есть на чем ехать? – спросил Лопатин.

– Есть.

– Что?

– Четыре нарты.

– С оленями?

– Нет, с собаками. Но только скорее, барин; надо торопиться.

– А что? Разве что-нибудь неладно?

– Неладно, барин.

– Шалят, а?.. Варнаки⁶, что ли?

– Варнаки... Эх, барин, чем бы ехать скорее, а ты с разговорами...

– Да нет, брат, ты говори толком, я знать хочу.

– Ямщик – дурной человек... Мы встретили варнаков... С нас что взять?.. Нам они не страшны... Ямщик рассказал – вот, мол, господа богатые провалились в реку, сидят теперь, нас послали... «Так богатые господа-то?» – «Богатые. Деньжищ, добра всякого – целая уйма»...

– Ну, и что же? – спросил Лопатин.

– Ну вот и то же... Чай, сам теперь можешь понять, барин...

– Ямщик, значит, стакнулся с варнаками? Приведет их к нам?.. Ограбить хотят нас?.. Да?..

– Стало быть, что да!

Наскоро объяснив французам, в чем дело, Лопатин вместе с ними поспешно направился к нартам вслед за якутом. Кроме него, при нартах находилось еще два проводника, с помощью которых был живо нагружен уцелевший багаж.

Два слова о том, что такое нарты. Нарты – это узкие, длинные сани, очень легкие в ходу, но вместе с тем чрезвычайно устойчивые. На каждой нарте могут поместиться трое, включая и проводника. Последний садится обыкновенно на передке, в очень неудобной позе, к которой, впрочем, каждый якут абсолютно привык, и всегда бывает готов соскочить на землю в случае какого-нибудь приключения.

⁶ Беглые каторжники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.